

Ипъяс Найманов

16+

ЯНТАРЬ.

ВИРУС БЕССМЕРТНА

I.M.M.O.R.T.A.L.

Ильяс Найманов

Янтарь. Вирус бессмертия

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Найманов И.

Янтарь. Вирус бессмертия / И. Найманов — «ЛитРес: Самиздат», 2017 — (I.M.M.O.R.T.A.L.)

Зона отчуждения ЧАЭС. Лабораторный комплекс Янтарь. Некробиолог Трофим действует на свой страх и риск, нарушая принятые правила безопасности, выходя в Зону и рискуя жизнью среди аномалии и мутантов. Он единственный, кто может войти в контакт с поднятыми вирусом мертвецами. Дорого платя за каждый шаг и открытие, Трофим находит все новые и новые формы эволюционирующего вируса. Очень скоро зомби перестают быть простыми и предсказуемыми объектами исследования.

Содержание

Глава 1. Снорк	5
Глава 2. В шаге от периметра	9
Глава 3. В кабинете	16
Глава 4. Объект номер семнадцать	23
Глава 5. Хлеб на земле	30
Глава 6. Тень зверя	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1. Снорк

«Вот беда, вляпался, не мог сталкеров попросить приглядеть за собой», – шепотом ругал сам себя старший научный сотрудник, скорым ходом двигаясь в сторону лаборатории Янтаря. Низко плывущие тяжелые облака и холодный порывистый ветер у поверхности двигались в разные стороны, но для этих мест это было нормально. Через мембраны комбинезона Сева слышалось агрессивное сдержанное рыканье преследующего его снорка. Снорк отследил его откуда-то сверху, либо с недалеко расположенного холма, либо с остатков металлической конструкции на его склоне и, спустившись вниз, потерял его из прямой видимости, теперь он преследовал его, ориентируясь по горячему следу. Как только он увидит его, человек услышит это и поймет без каких бы то ни было «разночтений», как любил выражаться один из его коллег. Трофим хорошо знал ближайшие окрестности научного комплекса. Он многократно делал вылазки с сопровождавшими его должовцами или сталкерами и вот теперь, нажав тревожную кнопку, как никогда с надеждой ждал силуэтов бойцов прикрытия... но... ни окрика, ни присвиста, ничего. Жухлая, но живая трава угодливо подминалась подошвой, ее мелкие, острые чешуйки сдирали с подошвы микроскопические частицы каучука, а для преследующего его мутанта, низко опустившего голову на след, это была просто светящаяся дорожная разметка.

Рык стал чуть громче и увереннее. Местное зверье, не раз пуганное дальними выстрелами и внезапными облавами, научилось бояться людей... но один человек был слишком лакомым куском, которым, вытащив из скорлупы брони, можно пировать несколько дней или даже до Выброса. Эколог поддал ходу, можно было бы и побежать, но это не вариант, бегать по Зоне нельзя, как бы ты не знал свою местность, по крайней мере, в таком паническом состоянии. Пистолет Макарова, уже снятый с предохранителя, детской игрушкой был зажат в правой руке, но человек знал, что ПМ для снорка не достаточно убедителен, да и выстрелить наверняка удастся лишь раз. Одна надежда на подмогу, ведь кто-то должен тут быть. В голове у старшего научного сотрудника пронеслись картины многократно виденных им сидящих у костров сталкеров или легким бегом направляющихся на задание должовцев, как правило, в четыре человека.

«Это у них стандартный квад, – вспомнил он комментарий сталкера, впервые указавшего ему на отряд вилкой с нанизанным на нее куском тушенки. – А сейчас, очевидно, если ничего не произойдет, то тушенкой буду я», – панически думал Трофим, всматриваясь в намечающиеся на его пути аномалии, про которые он знал.

Сзади раздался торжествующий рык, мутант наконец вышел на расстояние прямой видимости, которое, к слову, затруднялось невесть откуда валявшимися покрывками, деревянными коробками, которые никак не хотели гнить, бетонными кольцами и просто поросшими травой кучами мусора. Снорки убивали тяжело. Некогда имевшие человеческое происхождение, они полностью переродились в Зоне, потеряв разум и память. Остатки военной амуниции превратились в обрывки, ожоговые язвы не зарастали, но и не кровоточили, а надетый на голову противогаз старого образца был надорван снизу, открывая покрытый язвами рот с синеватыми острыми зубами. Как противники для безоружного они были слишком быстры, их удары и неистовые рывки если не пробивали броню и защиту, то лишали оружия и координации. Мутант бил по глазам, срывал маски, впивался в лицо острыми зубами, бил о землю, вытягивал и выкручивал конечности до тех пор, пока жертва, уже потерявшая сознание, не лишалась защитных средств, предоставляя доступ к телу.

Эколог вскрикнул и побежал, сзади четко как никогда слышался рык, шлепанье рваных берец и грубых когтистых ладоней по жесткой траве. Обернуться и встретить бой грудью не приходило в голову, паника захватила человека, доисторические инстинкты, вырвавшись в критический момент, полностью отключили разум. Старший научный сотрудник двухметро-

выми шагами летел над землей, разинув рот в крике и уже спиной чувствуя накрывающую его тень мутанта... вдруг страшная боль дугой врезалась от земли в ноги, в позвоночник, гулко кольнула сердце, и свет померк.

Еле шевеля пересохшими губами, силясь разглядеть что-то за кровавыми мушками перед глазами, не чувствуя ни рук, ни ног, Трофим лежал на левом боку. Ноги были закинута друг на друга, руки прижаты к груди. «Я жив», – не очень веря в то, что было минуту назад, думал он. Мысль не имела ни цвета, ни эмоций. Экспериментальный комбинезон Сева с тремя звездочками модификаций, спроецировав на забрало шлема с внутренней стороны отчет о диагностике, приступил к лечению ученого, вкалывая в шею стандартный аварийный пакет: обезболивающее, противошоковое, и, видимо, задумываясь над тем, стоит ли впулить адреналин, проверяя сердцебиение и давление человека. В голове прояснилось, тело словно ударили кувалдой, чирком, но кувалдой. Болело все: от затылка до пяток, ноги болели сильнее всего.

«Трамплин, это был трамплин», – понял он. Костюм спас его, поглотив и перераспределив энергию аномалии, удар трамплина был сродни контузии. А что же со снарком? Эколог огляделся. Снарк повис на стволе дерева, пробитый насквозь полуметровым суком, его руки мелко дрожали, голова в натянутом противогазе с выбитыми стеклами безвольно висела на груди. Снарку досталось как надо, он бы наверняка выжил и уже бы выбивал забрало шлема, если бы не встретившее его в полете дерево. Попытавшись пошевелить головой, эколог получил сноп искр в оба глаза, и рой кровавых мушек, казалось бы, покинувший его и улетевший по своим делам, вернулся, заодно наполняя мозг болью, а тело сотнями болезненных укусов. Ему нужно было отлежаться, скоро подействуют стимуляторы и подоспеет помощь.

То, что никого не было в этот момент, было, скорее, исключение, чем правило, в последнее время здесь здорово взяли за безопасность, мутанты согласно программе Янтаря отстреливались, а зомбированные, являющиеся объектом исследований лаборатории некробиологии, где и трудился Трофим, не представляли собой угрозы, поскольку были разоружены, раздеты до нижнего, а некоторые даже помечены маячками. Вот именно за одним из таких и выскочил проследить ученый, не оповестив об этом дежурного долговца, впрочем, уже который раз. Сама территория вокруг лаборатории была более-менее огорожена решетчатыми и сетчатыми заборами, собранными с близлежащих окрестностей, это потребовало беспрецедентных организаторских усилий, но результат вывел исследования на новый уровень. Тем временем инъекции стимуляторов вполне начали действовать, Трофим со стоном пошевелил рукой, разгоняя усилием воли спазм накатившей тошноты, приподнял голову и замер, чувствуя, как волосы на голове, встав дыбом, ощупывали внутреннюю подкладку шлема. Снарк не умер.

Мутант, насквозь пробитый высохшим суком дерева, так и продолжал висеть на нем как тряпичная кукла, но голова, ранее безвольно висевшая на груди, уже поднялась вертикально, а безумный, животный взгляд в выбитых стеклах противогаза был устремлен в Трофима. Все мутанты Зоны были предельно живучи, даже будучи фактически мертвыми, они продолжали драться, охотиться, преследовать. Эколог пошевелил ногами, ноги были целы, он знал это, сломать их можно было только вместе со сверхпрочными внутренними элементами комбинезона, а это сразу было бы видно, а вот повредить связки и суставы – вполне. На движение человека снарк ответил беззвучным рычанием. В его исполнении это была жуткая получеловеческая гримаса гнилых зубов и разбитых окровавленных губ. Стараясь не думать о снарке, Трофим со стоном перевернулся на живот, попытался встать на четвереньки. Это получилось, хотя он явно почувствовал, как болезненно закрипели суставы ступней, коленей и таза, и к общей контузии от удара аномалии добавилась совершенно новая, «человеческая» боль разбитых конечностей. Попытка встать. Не сдержав крик, ученый снова опустился на четвереньки. Встать на ноги было нереально, позвонки хором отозвались прострелами. «Неужели грыжи на все диски?» – в ужасе подумал Трофим, а сзади раздался тихий, но уже рык мутанта. Обернувшись, он увидел, что снарк, чьи регенерации были на уровне стимуляторов, за исключением того, что он дей-

ствительно «штопался» на клеточном уровне, о чем прекрасно знал эколог, уже прихватывал пока еще слабыми руками сук. С отчаянием понимая, что он проигрывает мутанту, Трофим оглядел окрестности, ожидая увидеть отдаленные человеческие силуэты. «Ну где же вы, сталкеры, спасите меня, я же нажал кнопку!» – он опустил взгляд на пояс, и, тысяча чертей, она была отжата! В панике спасаясь от мутанта, он либо нажал не на нее, либо вообще подумал, что нажал. Чертыхнувшись, он вдавил кнопку что есть силы. Раздался легкий, едва слышный щелчок фиксатора. А сзади послышалось жалобное, насколько это было возможно, скуление мутанта. Трофим обернулся, снарк уже притянул свое тело к краю сука и, толкаясь пятками от ствола дерева сзади, пытался сброситься вниз. Острый конец ветки уже был внутри мутанта, а раскачивая тело, снарк, видимо, испытывал жуткую боль, по сути, ковыряя собственный организм острием сука. Руки его были сведены сзади за спиной и, приподнимая тело, медленно, но верно, иногда проскальзывая по окровавленному следу, отталкивали мутанта все дальше от ствола.

Оцепенев, забыв про боль и страх, Трофим с некоторой долей жалости смотрел на эту картину. В этот момент в нем включился ученый, который полностью отдался процессу наблюдения. Наконец тело мутанта грохнулось вниз, раздался жалобный, почти человеческий крик, но через секунду громогласное, звериное рычание вернуло эколога в реальность. На Янтаре включилась сирена, оповестив о спасательной операции, хотя, может, она включилась чуть раньше, но Трофим только сейчас заметил это. До лаборатории было около километра, сталкеры прибегут минут за семь, тропы здесь все намечены-перемечены. «Семь минут, – сообщал эколог, начиная ползти в сторону Янтара, за это время мутант придет в себя, догонит его и убьет. – Непременно убьет, – четко понимал Трофим. Ему сейчас много не надо, пару прыжков сверху и хорош. – Где же пистолет?» – с надеждой смотря вперед и по сторонам, думал ученый, хотя прекрасно понимал, что трамплин наверняка выкинул ПМ, наверное, на луну или за Кордон, хотя если серьезно, то метров на сто, сто пятьдесят и наверняка примял его, так что тот уже ни на что не годится. Метрах в десяти красовалась электра – хорошая, мощная аномалия, прекрасно видимая почти в любую погоду, в отличие от девяносто девяти процентов ее сестер. А позади уже отчетливо слышалось хриплое дыхание преследователя, в котором примешивалось бульканье крови на вдохе и выдохе. Обернувшись, Трофим увидел, что снарк на локтях, едва помогая себе ногами, ползет за ним. Мутант, встретившись взглядом с экологом, рыкнул и рывком приподнялся с локтей, упершись на ладони, а еле подвижные ноги поджались, и теперь он смог опираться на колени. Расстояние между ними было не более двадцати метров. Понимая отчаянность ситуации, перебирая руками и ногами насколько он мог, Трофим судорожно соображал, что он может сделать. По всем прикидкам выходило, что ничего. Снарк меньше пострадал от трамплина, а сквозное пробитие тела ниже ребер, видимо, не оказалось смертельным. Почему-то ощущать, как его тормозят, бьют и выдирают из комбеза, никак не хотелось именно сейчас, разбитое тело просто уже представляло собой пламенеющий кусок боли, а переламывать, перекручивать его слабыми руками снарка было бы такой пыткой, которую не смог бы придумать самый искусный палач.

«Электра», – мелькнула в голове спасательная мысль, эколог взял чуть левее и пополз прямо на аномалию. Он ничуть не хотел кончать с собой, но за долю секунды понял, что его комбинезон точно выдержит хотя бы один прямой разряд электры, а мутант получит без скидок. Чувствуя близкое спасение, уже не надеясь на дальний выстрел снайпера, который бы прикончил снарка, Трофим с ликованием сумасшедшего полз в аномалию. Снарк, хрипя, настигал его. В последний момент эколог повернулся боком, чтобы не получить разряд именно в голову, и, чувствуя, что находится в пределах досягаемости как мутанта, так и аномалии, лег на спину и подкатился к ее переливающимся разрядам. Те с тихим шелестом приняли его, не желая тратиться на диэлектрическое покрытие комбинезона. Снарк с почти читаемым недоумением остановился у края срабатывания аномалии и тревожно нюхал землю справа и слева, глазами,

однако, неотрывно следя за человеком. В его мозгу происходил мучительный мыслительный процесс, в котором боролось искушение схватить и вытащить наружу такого слабого и беспомощного двуногого и опасение перед переливчатыми нитями аномалии. Наконец, жадность победила, и мутант осторожно протянул руку к лежавшему от него в полутора метрах человеку. Ослепительная вспышка и треск разряда. Трофим со страхом замер, ожидая разряда также и по себе, но аномалия не увидела его, за несколько секунд грохотом выдал еще несколько молний в задымившегося мутанта, немного померкла, успокоилась и вновь заиграла белыми переливами энергии.

Трофим открыл глаза. Мутант лежал и дымился в метре от него, буквально прожженный насквозь в нескольких местах. Рука, которой он тянулся до ученого, была без кисти и обуглена, шея также прожжена до позвонка, еще несколько меньших черневших и дымящихся кратеров обозначались на теле. Запаха не было, поскольку комбинезон сейчас работал в режиме максимальной защиты, и кислород подавался из плоских пластиковых баллонов за спиной. Чувствуя победное ликование, Трофим осторожно выбрался из аномалии, стараясь не задеть труп мутанта. Не заметив сам, как он сел на землю, он беззвучно рассмеялся, в этом смехе была и скрытая истерика избежавшего гибели человека, и понимание того, как он глупо и по-дурацки поступил, выбежав из лаборатории, не сообщив никому, и что-то еще, что противоположно ужасу и боли, пережитым им минуту назад. Недалеко уже виднелись черно-красные фигуры долговцев и зеленый комбинезон его коллеги.

Глава 2. В шаге от периметра

Через день старший научный сотрудник, некробиолог Трофим Аристархович Гудин был вполне здоров. Выволочку от начальства за свою, впрочем, не первую легкомысленную выходку он еще не получил, но если бы он вернулся без тревожной кнопки, то никто бы и не устраивал разбор полетов. Также несложно будет пережить взгляды некоторых долговцев, крепких бойцов в хорошо защищенном обмундировании черно-красных цветов группировки, с большими пушками, выходивших даже покурить по двое. Пару взглядов, пойманных им сразу по возвращении на носилках, он расценил как: «А, так вот кто тот самый недоумок, который поперся за своим мертвецом...» Бойцы группировки Долг благодушно считают почти всех ученых на Янтаре великовозрастными детьми, которым объяснять что-то о правилах поведения в Зоне так же сложно, как и долговцам выслушивать бесконечные теории самих ученых. Восстанавливали некробиолога, конечно, артефактами, на что его коллега Михаил Маерович по медицинскому направлению жаловался:

– Вот раньше человеку и капельницу, и массаж, и таблеточки, и кварцем посветишь, и растяжку сделаешь, и в бассейн отведешь... ишь как у тебя позвоночки-то поразбежались, и подошьешь, подпилишь, если надо, а теперь тьфу. Камушек прилепил, а надо-то всего по большому счету один, вон «душу» приставил на часик-другой, и хорош.

– Так и что в этом плохого, Михаил Маерович? – спрашивал, морщась от боли, Трофим, пока его, ранее вынутого из скафандра, осматривал далеко не последний в своем деле хирург, крепенький невысокий мужчина лет шестидесяти.

– Так квалификация теряется, понимаете, Трофим? Чувствуешь себя не то шарлатаном, не то... в общем, тут и санитарка с училища со всеми вами бы справилась, особенно если шить умеет, – отвечал доктор, приподнимая руку пациента и разглядывая что-то известное только ему.

Некробиолог не нашелся, что ответить, в последнее время, действительно, много что поменялось на Янтаре. Месяца три назад такая выходка, как сейчас, однозначно стоила бы ему жизни. Во-первых, все зомбированные скинулись бы по нему выстрелами, гранатками, летящими вкривь и вкось, снаряды, снаряды, возможно, слепые псы сработали бы командой, и Трофим наверняка был бы разложен на составляющие уже метрах в ста от забора, окружающего научный комплекс. Это все произошло бы в случае, если бы он отправился в недалекую ходку один. Но вышла новая директива, согласно которой в течение недели никто, даже долговцы, носу не казали за забор, что немного снизило градус агрессивности мутантов за бортом. Это было первым пунктом. Вторым и третьим пунктом одновременно было регулярное дежурство квада за бетонным ограждением и выпуск небольшого бронированного манипулятора на гусеничном шасси. Квад поначалу недолго дежурил лишь с той целью, чтобы мутанты привыкали к присутствию человека, те, кто был сообразительнее, через время терялись из виду, другие же приближались метров на пятьдесят и из-за укрытия мусора, камышей и кустов наблюдали, двигались параллельно кваду, ожидая, когда же человек приблизится к ним, потеряет бдительность. Но тут тоже ничего не выгорало. Дисциплинированные бойцы с каменными мордами ходили недалеко от приоткрытых ворот, так что потихоньку интерес к ним угасал. Конечно, когда соглядатаев становилось слишком много, квад запирался внутри периметра, чтобы не провоцировать живность на атаку. А вот манипулятор на гусеничном ходу с магнитными держателями предназначался для зомбированных. Мутантам эта конструкция была безразлична, зомбированные же воспринимали ее либо как аномалию, либо начинали драться с ней, когда она уже забрала их автомат, пистолет, ловко срезала с поясов гранаты, лямки рюкзаков. Конечно, «коллектор», как со смехом называли его сталкеры, имея в виду банковских служащих с Боль-

шой Земли, и получал иной раз обойму-другую от неразоруженного товарища, но всегда мог вернуться назад, к бункеру, откуда через несколько часов, а то и сразу возвращался в поле.

Неоднократно «коллектор» притаскивал зомбированного в лагерь. Тот либо зацеплялся невероятным способом обрывками одежды за что-либо на корпусе робота, либо ремень автомата был перекручен вокруг шеи так, что «коллектор» тащил за собой в комплекс опечаленного мертвеца. Впрочем, все это видели через камеры операторы робота, поэтому сюрприза никогда не было. Невольного пленника помечали внешне, пришивая светоотражающие оранжевые куски материи, прикрепляли маячок, снимали броньку, осматривали, нумеровали и выпускали на волю. Позже это встало на поток, что особенно помогало лаборатории номер шесть, а именно: лаборатории некробиологии. А вот вид сутулого оборвыша, понуро прущегося за тянущей его машиной, вызывал хохот у вольных сталкеров, а их шутки про то, что долговцы нашли за долги, про то, что клиент идет в банк за кредитом, про то, что «коллектор» и на том свете достанет, быстро разлетелись по всей Зоне.

Меченых мертвецов никто не стрелял, поскольку знали, что они безоружны, иногда их даже подкармливали конфетами, хлебом. Колбасу и мясные консервы ученые рекомендовали не давать. Зомбированный, не имеющий оружия, тупо таранился на сталкеров, на которых он вышел, крайне редко были случаи, когда он лез в драку, но тут либо сталкеры, дурачась, разбежались, но проще всего откупались едой, получив которую зомбированный садился есть там же, где и получил, повинувшись процессам, запущенным в нем Зоной. Трофим сам видел, как сталкеры со смехом поили мертвеца водкой, налив ему в пластиковую бутылку и придерживая за донышко. На того, разумеется, не возымела эффекта жидкость, но ученый знал, что насыщение углеводами происходило, поэтому, приняв литру, закусив конфеткой, тот шаркающей походкой плелся по своим делам, ловя в спину добродушный хохот сталкеров, передачу приветов жене и детям, начальству и прочий жизнеутверждающий бред.

В итоге окрестности Янтая представляли собой теперь одно и самых безопасных мест Зоны. Здесь часто стали задерживаться сталкеры, а особо опасные мутанты и прочие были вытеснены большим количеством зомбированных, которые теперь не отстреливались, а отлавливались и после обработки выпускались. В силу своего количества и определенных способностей мертвецы, бродившие толпами по округе, не давали житья другим мутантам, и те предпочли более свободные земли. Лаборатория Трофима нашла объяснения тому, как и почему берутся ходячие мертвецы, даже в отсутствие Выброса. Исследования были в самом разгаре, результатами, а точнее, возможностями были крайне заинтересованы военные, поэтому финансирование лилось не просто рекой, а водопадом. Все оборудование было вмиг заменено на новое, стандартные электронные микроскопы заменились на мощные, а простые оптические – на фотонные лазерные. Фотометры, спектрометры, электропечи, ультразвуковые ванны, кондуктометры, оксиметры, спектрометры, газоанализаторы, целые ящики невероятно дорогих реактивов и веществ, еще куча всякого добра прилетела вдруг в голубом вертолете и прилетала еще каждый день в течение недели по мере того, как все имущество стаскивалось в нижние этажи. Научные комбинезоны ССП-99 «Эколог» вдруг были заменены всем желаемым из штата сотрудников Янтая на модифицированные Севы. Опять же был доставлен и собран робот для работы с дикими зомби, и вдруг особое усердие Долга, бойцы которого всегда считали каждого мутанта своим личным врагом и не воспринимали никаких возражений яйцеголовых против уничтожения любого достигаемого мутанта. Во всем этом прослеживалась мощная рука с Большой Земли. Но теперь появились опасения, что после его этой выходки за дисциплину ученых возьмутся особо. Трофим чувствовал это где-то там позвоночником. Как-то напряженно приходили к нему его коллеги из лаборатории и вместо обычных шуточек обходились внимательным взглядом и пожеланием скорого выздоровления, оставляя частицу тревоги и напряжения в палате.

Ну вот и пришел час расплаты. С утра Трофим надел свежую рубашку, брюки, прошелся лаковой губкой по коричневым туфлям в дырочку, надел белый халат, причесал волосы. Лет ему было всего тридцать с небольшим. Некогда голубые глаза успели выцвести, коричневые волосы, торчавшие пучком, уже плохо росли выше лба, все чаще просвечивая при хорошем освещении, и простреливали штучными сединками. Высокий лоб, небольшие губы и нос с едва заметной горбинкой, всегда сбриваемая щетина. При росте сто восемьдесят сантиметров его семьдесят килограммов веса давали ему преимущество разве что в тесном троллейбусе большого города. Здесь же, как он убедился, его субтильное телосложение не имело ценности, но природная выносливость помогала значительно легче переносить затяжные походы со снаряжением.

Трофим Аристархович пришел в лабораторию, располагавшуюся на минус четвертом этаже здания, занял свое место в ожидании вызова и был готов получить по заслугам, сделать выводы и продолжить работу. Нервировало только ожидание, неприятное понимание того, что человек он подневольный и творческий полет в его исследовании вдруг ограничивается душным поводом ошейника правил и обязательств. Его непосредственный начальник Лисов Алексей Иванович был человеком за шестьдесят. Несмотря на возраст, он лояльно относился ко всем выходкам Трофима. Небольшое брюшко, залысина некогда рыжих волос, крючковатый нос, веселый взгляд, растопыренная и неуклюжая походка, крайнее нежелание надевать «скафандр» и выходить в поле, тяготение к оформлению отчетов, выкладок и «правильной» констатации фактов делали из него идеального для Трофима начальника. Алексей Иванович не лез в дела экспериментов, в методики, поскольку методики как раз и разрабатывал Трофим Аристархович, не торопил и не тормозил события, предоставляя практически все решать своему заму. Надо сказать, что само направление, как некробиология, зародилось совершенно недавно, и по большому счету опыта и наработок, а также признанных авторитетов в этой науке не было. Все, что изучалось в Зоне, было сплошным открытием, и до тех пор пока не появились практические результаты, их лаборатория не считалась настолько перспективной. Конечно, лаборатория не ограничивалась двумя людьми, и раз речь зашла о начальнике и зама, то должны быть и рядовые. Всего было три рядовых научных сотрудника: Берик Капезович Бекенов, веселый казах из Семипалатинска, где производились ядерные испытания, всего, кстати, около пятисот взрывов, Валентин Петрович Петров, любитель жареной картошки, и Лукас Константинович Лишнеф, известный скептик, что делало его особо нужным, когда дело касалось перепроверки данных. Там Лукас Константинович старался всюду, ища ошибку или неточность, о чем с удовольствием сообщал.

Всего под лабораторию номер шесть было отведено четыре комнаты. В первой располагались сами сотрудники, шесть столов, один из которых был завален папками с документами, пустыми стаканами из-под чая. За остальными чинно и благородно, под индивидуальным и общим освещением располагались ученые. Руководитель сидел дальше всех от входа. На пристроенных к нему стульях, как и на столе, высились стопки документов, которые справедливости ради надо сказать он время от времени пролистывал, подыскивая нужные основания или, как принято называть, научные источники. К каждому столу прилагался шкаф для документов и само собой разумеющееся – стул. На столах располагались ноутбуки, соединенные общей сетью со всеми компьютерами Янтаря. Во второй комнате хранились химические вещества для экспериментально-практической части, оборудование для работы над образцами, тканями зомбированных и некоторых мутантов, большой стеллаж с образцами тканей в банках. Третья и четвертая комнаты были защищены антибактериальными занавесками, имели отдельную систему вентиляции, ультрафиолетовый режим освещения при отсутствии людей, выделенную сигнализацию и круглосуточные камеры слежения. В третьей и четвертой комнатах производилась непосредственная работа над представителями некромира. Там же, в предбаннике третьей комнаты, располагались специальные костюмы для лабораторных исследований и эта-

кий пластиковый прозрачный саркофаг для переноса зомбированных к хирургическому столу, который также назывался разделочным. Именно в этих двух помещениях были сделаны головокружительные открытия, которые обеспечили финансирование всего научного комплекса.

Стол Трофима стоял третьим с левой стены, напротив стола шефа – заведующего лабораторией. Наконец шефу позвонили, подняв трубку и выслушав короткое сообщение, он передал Трофиму.

– Идите, Трофим Аристархович... – кивком головы дав понять, что идти надо по единственному теперь возможному направлению.

Трофим слегка кивнул и скорым шагом покинул лаборатории. «Быстрее начнем, быстрее закончим», – справедливо думал он, шагая по коридору, взбираясь по лестничному пролету на минус первый, затем первый, минуя бойцов долга, на которых давно уже не обращал внимания, автоматически здороваясь, но не запоминая особо, с кем и где, вошел на второй этаж. Второй этаж был небольшой по своей полезной площади, поскольку само здание имело форму усеченной пирамиды, два надземных этажа которой заканчивались вертолетной площадкой, а нижние пять уходили под землю. Еще говорили, что есть проход с нижнего этажа в какие-то старые тоннели, заброшенные железнодорожные пути, но некробиолог не задумывался над этим. Мало ли что могут говорить о таком комплексе в курилке или за бутылочкой.

Итак, второй этаж предназначался для гостей и директора комплекса – Водопьяного Николая Николаевича. Мужика грузного, имевшего болезненный вид почечника, алкоголика и астматика, продолжающего курить папиросы без фильтра. Директор не имел прямого отношения к науке. Он был поставлен на Янтарь с целью контролировать расход бюджета, вовремя подавать рапорты и отчеты заказчикам, дело свое знавших, как понимал Трофим, очень конкретно. С Водопьяновым не было желания откровенничать, поскольку даже в его молчании крылась какая-то вторая мысль, анализировавшая не только то, что говорит человек, но и самого говорящего. Встречные вопросы пронзали своей цепкостью, несмотря на то, что понять, слушает он внимательно или занят своими мыслями, было невозможно, спорить с ним было бесполезно, поскольку в темы, не касавшиеся его, он не встречал, а в темы, касающиеся его, он просто никого не впускал, и вообще, там было только два мнения – его и неправильное.

Постучавшись костяшками пальцев, Трофим замер. Секретарши не было, поскольку база была нерезиновая, хотя комната для нее была обставлена. Водопьянов прекрасно знал, кто за дверями, через видеокамеры, которые просматривали все без исключения лаборатории минус четвертого и коридоры жилых помещений на минус третьем уровне.

– Заходите, – раздалось негромко.

Трофим неизвестно для чего кашлянул и медленно вошел. Кабинет директора представлял собой квадратную комнату, четыре на восемь метров, покрытую бежевым в черную крапинку ковром, недостающим справа и слева до стен по полметра. Слева от двери находился длинный черный кожаный диван, за ним журнальный столик. Чуть дальше, тоже слева стояло несколько стильных книжных шкафов со стеклянными дверцами под ключ. Прямо располагался стол для совещаний в окружении нескольких стульев и сам стол начальника, за которым сидел Водопьянов на высоком кожаном кресле на колесиках. Правая стена отсвечивала произвольными картинами художников-абстракционистов. Трофиму казалось, что если у человека нет вкуса, то можно просто повесить на стену нечто этакое, вроде нарисованных фиолетовых квадратов и полупрозрачных зеленых треугольников, и никто из входящих в этот кабинет не докажет, что оно тут неуместно.

Внешний вид директора, как обычно, не выражал ничего неожиданного. Синий неяркий деловой костюм на белую рубашку без галстука. А вот на диване слева сидел гость, совершенно незнакомый человек. Примерно ровесник Трофима, джинсы и белая рубашка в синюю клетку. На вид довольно уставший. Одутловатое лицо, короткие ржаные волосы, слипшиеся и примятые, пухлые щеки, небольшой нос, по-разному торчащие уши и яркие голубые глаза. Глаза

удивительно внимательные и наполненные. Складывалось такое ощущение, что этот человек привык много и убедительно говорить, при том, что у него всегда было что сказать. Одновременно человек с такими глазами мог много и внимательно слушать, его слегка прищуренный взгляд улавливал мельчайшие детали в собеседнике.

Водопьянов одним движением закрыл ноутбук и, указав взглядом на место за столом, перегнувшись через стол, положил какую-то бумагу.

– Здравствуйте. Подписывайте, Трофим Аристархович, – его голос, лишенный эмоций, звучал буднично.

Трофим сел, взял листок и по возможности быстро прочитал. Выговор, или объяснительная, или что бы там ни было не являлись для него неожиданным, но тут черным по белому под словом «заявление» было написано: «Прошу перевести меня в НИИ Ладога для продолжения научно-исследовательской деятельности». Научно-исследовательский институт Ладога ученый знал прекрасно, то еще тухлое место. Конечно, говорят там тоже много что сделали специально для ветки некробиологии, даже целый этаж вроде как отвели и оборудовали, но максимум, что там можно было сделать, это исследовать образцы тканей. Толку от этого на сегодняшний день было ноль. Все прорывы совершались здесь и сейчас в полевых условиях, на острие науки был он, Гудин, а сейчас его убирают из обоймы, когда он готов был сделать свой прыжок в мировую науку и практически претендовать, возможно, пусть и в самых смелых снах даже на Нобелевскую премию. Это было просто предательством со стороны Водопьянова. Потрясенный ученый несколько раз, не веря своим глазам, перечитал короткие строчки заявления.

– Нет... я не подпишу это. Это... это... – с трудом подбирая слова, проговорил ученый, борясь со вспышками ярости и отчаяния, пытаюсь нащупать почву, уходящую из-под ног. Водопьянов ничего не говорил, через амбразуры сощуренных глаз наблюдая за переводимым им в тыл сотрудником. – Это неправильно. Это... я не смогу заниматься наукой в Ладоге, – наконец сформулировал хоть что-то Трофим.

– Напрасно, Трофим Александрович, вы думаете, что Ладога отстает в чем-то от Янтаря. Там прекрасная научная база. Работа ведется параллельно вашей, отчеты присылаются к нам. Очень серьезные работы. Вот Алексей Иванович регулярно сравнивает работы и делает нужные выводы, а вы ими даже не интересуетесь. Подписывайте, Трофим Аристархович, все уже решено, вертолет будет к пяти часам. Подписывайте, – уверенно, голосом, заканчивающим разговор, сказал Водопьянов.

Трофим взял ручку, но рука до тошноты не поднималась к своей фамилии, напечатанной на листе.

– Это все за то, что я вышел за пределы лагеря? – чувствуя в душе зарождающуюся бурю неповиновения и бунта, спросил Трофим.

– И это тоже, вы неоднократно нарушали общий порядок комплекса, мы не единожды вели с вами беседы здесь, в этом кабинете, – голос директора был тверд, но вдруг смягчился, став почти отеческим. – Вы поймите, Трофим Аристархович, мы не можем позволить себе потерять такого ценного сотрудника. Вы человек увлеченный, я не виню вас, более того, будь я столь увлеченным своим делом, как и вы, я бы тоже покидал пределы комплекса, возможно, даже забыв предупредить об этом нашу систему безопасности. Понимаете? Если мы потеряем нашу путеводную звезду в этом направлении науки, меня же не простят.

«Лесть и ласка – лучшая смазка», – вспомнил слова Берика Трофим. «Здорово же меня отстраняют. Путеводная звезда, блин...». Применив рифму к слову звезда на свое положение, он кинул взгляд на гостя.

– Это вот вместо меня уже прислали? – обреченно махнул головой в сторону сидящего на диване позади Трофима человека.

– Нет, это... это по другому вопросу, – успокоил его Водопьянов.

Рука по-прежнему отказывалась подниматься к листку, как будто на ней повисло килограмм пятьдесят, и эти пятьдесят килограммов тянули его вниз вместе с плечом, сгибая спину грузом своей невероятной несправедливости. «Неужели конец? Неужели все? – судорожно металась мысль в голове, – а ведь тридцать четвертый объект начал подавать признаки следующей третьей категории. Он уже узнавал его, Трофима, уже шел на контакт...». В висках ученого застучала кровь. Теперь вместо того, чтобы исследовать развитие симбионтной некротической формы жизни, он будет сидеть в Ладоге и смотреть в микроскоп на куски мяса с не менее мертвым ранее контролировавшим его вирусом, в то время как носитель и живая система замещения ходят тут, по окрестностям Янтаря. «Допрыгался, доскакался, поверил, идиот, – мрачно думал про себя Трофим, – из всей лаборатории никто не выйдет в Зону, чтобы работать с объектами. В присутствии кучи людей они не идут на контакт. Все пропало, все пропало...».

– Третья категория, – тихо, самому себе сказал Трофим, с отвращением поднимая наконец руку с шариковой ручкой и кладя ее на бумагу. Драться и скандалить было не в его правилах, к тому же он знал, что за гораздо меньшие проступки вывозят за периметр. Но он почему-то считал что такую, тут он усмехнулся, «путеводную звезду», как он, будут строго журить и не более.

– Простите? – насторожился Водопьянов.

– Третья категория, – вяло и обреченно повторил ученый.

– Что третья категория? – еще более напрягся директор.

– Третья категория обозначилась позавчера, объект номер тридцать четыре, — равнодушно ответил Трофим, – но вы его не сможете разговорить. Он у нас парень скромный, – с некоторой долей вдруг из ниоткуда взявшегося злорадства ответил Трофим, чувствуя справедливость поговорки «ни себе, ни людям».

– Вы говорите, что обнаружена третья категория некротической формы симбионта? – у Николая Николаевича чуть заметно привстали волосики на лысине.

– Ага, – почувствовав какое-то садистское удовольствие, ответил Трофим. – Я даже на камеру снял, только разбилась она.

– Хм, хм, – вдруг подал голос сидящий позади гость, – вы уверены, что это была именно третья категория, а не вторая Д или Е? – с этими словами гость встал, подошел к ученому и протянул руку. – Алексей... Алексей Викторович. Можно просто Алексей.

Рука была подана так просто и естественно, что Трофим, пожав ее, немного растерялся. У него тут рушилось мироздание, а этот Алексей так буднично протягивает руку... хотя, что там, у него, наверное, все в порядке.

– Алексей Викторович – наш куратор, это именно он обеспечивает финансирование всех проектов, представляет наши интересы, так сказать, – пояснил, немного поколебавшись, Водопьянов.

– Очень приятно, – во все глаза глядя на такого простого и непростого Алексея, ответил Трофим, понимая, что раз этот человек вступил в разговор, то разговор еще не окончен. Стало быть, у него еще есть шанс продолжить работу, он должен сделать все, чтобы это бумажка не висела больше над его шеей, как топор палача. – Да, я уверен. Я же сам классифицировал некробиотические формы жизни по категориям. Это было не рефлексивное проявление, это было сознательное проявление, – твердо ответил Трофим, чувствуя, как распрямляется спина и вырастают крылья.

– И в чем же оно проявилось, Трофим? Я могу называть вас просто по имени? – опустив подбородок, прищурившись ярко-голубыми глазами, спросил Алексей. В его посадке головы было что-то от боксера, готового в размен идти ударами с соперником, этому же впечатлению способствовало слегка повернутое и приподнятое левое плечо, готовое защитить челюсть от удара.

Трофим сделал паузу, оценивая обстановку. Теперь игра велась на его поле. Львиная доля наблюдений была сделана именно им. Это он выскакивал сразу после Выброса из безопасного корпуса Янтаря, он лежал в кустах по ночам, наблюдая через ПНВ за мертвецами, он определял сразу, кто опасен, а кто нет, он знал, на какой стадии находится захвативший тело вирус, он был тем самым человеком, который обеспечивал задачами целый дивизион сотрудников в НИИ Ладога и других. Он вычленил и определил тот самый вирус, который не имел названия, только цифры, тот самый вирус, который при жизни может незаметно замещать клетки человека своими, борясь с болезнями, постепенно располагаясь во всех жизненных органах, заменяя их своими клетками, вирус, дарующий бессмертие, умеющий заменять собой мозг, но не умеющий применять его. И вот теперь новый виток развития был обнаружен – третья категория: проявление сознания через носителя, которым являлся мертвец. Событие невероятное, едва не стоившее ему жизни, но стоившее того, чтобы повторить его вновь.

– Тридцать четвертый указал мне на опасность. Он указал мне на шнорка, – не отводя взгляд от голубоглазого, сказал некробиолог.

Голубоглазый моргнул, удар был пропущен. Он растерянно посмотрел на Водопьяного, отодвинул стул и плюхнулся напротив Трофима.

Глава 3. В кабинете

– Вы уверены? – переспросил Водопьянов.

– Да, на сто процентов, – твердо ответил некробиолог.

– Трофим, – вмешался Алексей, – если я правильно понимаю теперь, то основные наблюдения проводятся лично вами?

– Да, и теорию выдвинул я, а потом мы подтвердили ее в ходе полевых и лабораторных исследований, – кивнул Трофим.

– Очень интересно. Никогда не думал, что целое направление науки в наше время может задать всего один человек, – не то искренне восхитился, не то подкинул «леща» голубоглазый. – Вы бы не могли кратко освежить для меня тему? Я в курсе основных событий, но очень интересно получить информацию от первоисточника. Научный язык отчетов – дело тонкое, а я, боюсь, не настолько тонкий ценитель сложных формул и постулатов, поэтому, пожалуйста, попроще, – попросил Алексей.

– Да что там тонкого-то, – махнул рукой Трофим и вздохнул, – с какого места вам интересно?

Голубоглазый немного замялся. Он слегка наморщил лоб, вглядываясь внутрь себя и перебирая имеющуюся у него информацию.

– Давайте с самого начала, но тезисно, – попросил Алексей.

– Ну с начала, так с начала. Модификация *papillosa virum*, взятая с образцов... – начал Трофим.

– Стоп, – поднял руку Алексей. – Трофим, пожалуйста, человеческим языком. Этой вашей научности я начитался в докладах, признаться, все, что там написано, особенно как это написано, вызывает у меня головную боль. Сможете простыми словами? Специально для темного человека? – устало, с полуулыбкой попросил голубоглазый, откинувшись назад на стуле и сцепив руки на пухлом животе.

– Но ведь тогда снижается научная точность. – Трофим озадаченно посмотрел на Алексея.

– Плевать на точность, мне главное достоверность и ваше личное мнение, – махнул рукой Алексей.

– Хм... ну ладно. Все, что живет в Зоне, мутировало, – некробиолог с вопросом посмотрел на голубоглазого и на директора, взглядом спрашивая, таким ли языком надо говорить. Голубоглазый кивнул, давая понять, что это именно то, что он и хотел. – Мутационным изменениям подверглись не только флора и фауна, но также бактерии и вирусы. Скорость мутации вирусов в Зоне превосходит скорости мутации этих же вирусов за ее пределами в тысячи, десятки тысяч раз. Если начальный вирус не может воспроизводиться вне живых клеток, то здесь он научился выживать и воспроизводиться и в некротических средах, он научился вступать в симбиоз с бактериями и археями.

Алексей вздохнул, сдерживая нетерпение.

– Чуть короче, Трофим. С такими темпами мы дойдем до середины лишь к утру. А у меня не так много времени.

Ученый с удивлением приподнял брови, в его понимании короче уже было просто невозможно.

– Эм... – протянул Трофим, соображая, как же донести суть до собеседника кратко, но не расплескав смысл. – Если совсем коротко, то сильно видоизмененный вирус папилломы человека распространен в пределах Зоны, им заражается от двадцати пяти процентов обследованных тут людей. Этот видоизмененный вирус растет в клетках человека как в начальной среде, уничтожает патологические бактерии и другие вирусы, встраивается в нервную систему, входит

в симбиоз с естественным бактериальным фоном пищеварительной системы человека таким образом, что получать питание может уже не посредством клеток, а непосредственно взаимодействуя с микробиомом носителя. За период в четыре—шесть месяцев вирус встраивается в мышечную систему, на начальных стадиях частично встраиваясь в ДНК, а позже и заменяя собой ДНК клетки, по сути, копируя клетку, оставляя за собой право влиять на дальнейшее ее строение. Это обуславливается тем что вирус имеет трехцепочную структуру и через очень сложный механизм нуклеотидного копирования меняет две из трех своих цепочек, уничтожая оригинальное ДНК человека, заменяя его своим, по сути, не переставая оставаться вирусом в третьей цепочке нуклеотидов. – Трофим открыл было рот, желая пошире описать внутриклеточный процесс и связанные с ним моменты, но осекся, вспомнив о поставленных ему условиях. – В изученных нами образцах мы получаем средние значения замененных клеток, до сорока процентов клеток носителя в мышечной ткани, такой же высокий процент замененных клеток в эпидермисе, внутренние органы – до шестидесяти. Нервная система, а также мозг значительно, до пятидесяти процентов в живых носителях, поражаются этим вирусом, но человек не теряет индивидуальности. Возможны проявления изменения вкусовых предпочтений, поведенческих реакций. В период до двенадцати месяцев вирус образует собственные центры управления, по функциональности схожие с нервными узлами простейших организмов, никак не обусловленные внешними факторами. Предназначение этих центров еще не выяснено. Вот, наверное, и все, если уж совсем кратко, – неуверенно закончил Трофим.

– Так получается, наш вирус просто проблема какая-то, – спросил Алексей, явно ожидая другого повествования. – А как же лечебный эффект? А как же излечение от онкологии, неограниченный срок жизни клеток, при наличии питания?

– Ну строго говоря... папиллома имеет высокий онкопотенциал, и заражение человека этим вирусом является, по сути, метастазированным поражением всех его органов, только без отрицательных прижизненных последствий. Да, этот вирус уничтожает всю микропатогенику своего носителя, в том числе известные онкологические процессы, в этом его неоспоримый плюс...

– Во-о-от, – значительно подняв указательный палец, протянул Алексей, – а то что он легко разрушается за пределами Зоны двумя, тремя инъекциями пенициллина вкупе с противовирусными препаратами – это его второй плюс. А то что бойцы, как вы говорите «зараженные» этим вирусом, двигаются быстрее, стреляют точнее, их раны затягиваются, инфекция не берет, спят они меньше, это как понимать? Заражение? – воинственно вскинув голову, спросил Алексей.

– Ну... – начал Трофим. – Вы же в действительности не пытались лечить зараженных живых стalkerов на стадии от двадцати процентов поражения? Скорее всего, либо носитель погибнет, либо на него не подействуют известные противовирусные препараты, по крайней мере, в известных дозировках. Насколько я понимаю, это из отчетов Гладовласова?

– Про пенициллин и препараты сопровождения? – спросил Алексей. – Да, из его отчетов.

– Тогда я думаю, что выводы неверные. Он экспериментировал на тканях, а не на системе носителя в целом. Кроме того, он любит притягивать желаемый результат... извините, за уши. Не хочу говорить о коллегах плохо, но его ошибочные выводы могут иметь непредсказуемые последствия для носителей.

– Так, значит, вы считаете? – тихо произнес гость, задумчиво почесывая подбородок.

– Да. На ранних стадиях поражения, действительно, достаточно приема простых противовирусных препаратов или вообще можно обойтись без них. Но по нашим расчетам и наблюдениям при поражении порядка двадцати процентов клеток организма органы уже не могут работать без замененных клеток, и их гибель означает гибель органа со всеми вытекающими последствиями, – ответил некробиолог.

Водопьянов тем временем что-то быстро чиркнул в ежедневнике, лежавшим у него открытым на столе.

– Ладно, – задумчиво сказал голубоглазый, выныривая из пучины своих мыслей. – Трофим, я не очень понял про питание и взаимодействие друг с другом ваших объектов. Там в докладе очень сложно все описывалось.

– Питаются они всем, что могут расщепить пищеварительные бактерии человека, подстраиваясь и синхронизируя свои обменные процессы с обменными процессами клеток хозяина. Тут все сильно зависит, насколько сильно человек, так сказать, сросся с вирусом при жизни. Я бы хотел сказать, что тут не хватает полевых исследований.

– Позвольте спросить, почему вы не экспериментируете на сталкерах... или на военных? Гоняться за, как вы их называете, объектами по всей Зоне – не самая лучшая трата времени.

– Мы, конечно, используем добровольцев, но мы же не можем вскрывать живого человека, чтобы узнать, на какой стадии процесс развития колонии вирусов, кроме того, образцы тканей, которые мы приняли за показательные, невозможно взять у живого человека без причинения долговременного вреда его здоровью, – ответил Трофим. – Лаборатория ведет регулярные осмотры, замеры, берет пробы у живых носителей, но наш вирус заботится о своем хозяине и не подает внешних признаков своего присутствия. Конечно, мы скрываем истинную цель наших заборов проб, чтобы не спугнуть сталкера лишний раз. Иногда бывают случаи изменения цвета кожи или глаз, но это... наверное, лучше к Берику Капезовичу, он у нас больше по этому направлению. Другое дело, как их привыкли называть зомбированные, там мы не производим особого ущерба. У вируса в теле носителя идет чистое выживание и свои собственные процессы развития, не обусловленные навязанным ему волевым поведением. – Трофим потер руки о колени, видимо, немного смущаясь того, что в чем-то он не уследил за событиями.

– А что же с взаимодействием зомбированных объектов с окружающей средой? Они способны понимать, что от них требуется и что происходит? – сделав свои выводы, спросил Алексей.

– Сам вирус не может иметь интеллекта. Также и в объектах, уже не имеющих самосознания, он способен включать только защитные механизмы, алгоритм которых он успел скопировать при жизни носителя.

– Стрельба из автомата, вскрытие тушенки? – уточнил гость.

– Да. Все сигналы, прошедшие по рефлекторной дуге или другой части нервной системы, начиная от головного и спинного мозга, прошедшие по замененным вирусом клеткам, записываются, так же как и порядок сокращения мышц. И чем чаще наш вирус участвовал в этом, тем слаженнее работают созданные им элементы мышц и органы, также активируются и собственные мышцы и органы человека. Пищеварительная система вполне справляется со своими функциями даже после смерти носителя.

– Потому что она работала без перерыва... И ходят объекты, и стреляют, потому что их научили этому при жизни? – сделал вывод Алексей.

– Именно так, – подтвердил Трофим. – Собственно, сердце также может запускаться при необходимости, как и дыхательные функции. Легкие и другие органы не поддаются разложению...

– Потому что вирус уничтожает всю патогенику? – перебил его Алексей, жадно впитывая информацию.

– Да, – в очередной раз подтвердил некробиолог. – Только легкими и сердцем объекты практически перестают пользоваться.

– Но это значит, они иногда дышат и заводят мотор. Для чего? – сжав руку в кулаке, имитируя сердце, Алексей встряхнул им пару раз.

– Они запускают сердце в процессе кормления, поскольку готовая кровеносная система лучше разнесет питательные вещества, чем естественный межклеточный процесс. Это если мы говорим о второй категории объекта, – показав рукой куда-то вправо, ответил Трофим. – Кстати, кровь носителей второй категории перестает свертываться, ее количество уменьшается на семьдесят, семьдесят пять процентов, этого достаточно для транспорта питательных веществ.

– Это примерно литра полтора? – быстро просчитал Алексей. – А что, первая категория не может запускать сердце? – с любопытством поинтересовался он.

– С первой категорией все сложнее. Объекты в незначительной степени поражены вирусом. Системы объекта работают крайне разлаженно, нестабильно. В не захваченных вирусом органах идет борьба самого вируса с аммонифицирующими микроорганизмами.

– Это с бактериями разложения, то есть? – спросил Алексей.

– С ними, – подтвердил ученый.

– И что получается, и кто выигрывает? – с явным азартом спросил гость, заметно наклонившись в сторону ученого. На его лбу выступила легкая испарина возбуждения. Он повернул голову в сторону Николая Николаевича. – Что-то в горле пересохло, вы не могли бы чего-нибудь...

– Сейчас все сделаем, – моментально отозвался Водопьянов. Нажав несколько кнопок, он буркнул что-то в трубку телефона внутренней связи.

– Продолжайте, Трофим Аристархович. Никогда не думал, что этот вопрос мне будет настолько интересен, – признался голубоглазый.

– Тут по большому счету два варианта. Если побеждает вирус, а это случается крайне редко, поскольку в естественной среде Зоны раздобыть питание для объекта представляется непосильной задачей. Мутанты слишком сильны и быстры, а человек вооружен и опасен. Но это не останавливает вирус, и мы имеем агрессивного зомбированного, – Трофим указал левой рукой в сторону, словно определяя место для объектов первой категории слева от себя. – А когда побеждают естественные процессы разложения, вирус скапливается на эпидермисе и впадает в спячку, ожидая, когда его подцепят сталкеры.

– Или другие мутанты... – закончил гость.

– Другие мутанты тоже могут подхватить его механически, но, несмотря на всю виолентность вируса, он не поражает мутантов, – ответил некробиолог. – Причины этого вам... точнее подскажет вторая лаборатория, но если вкратце, то...

– Не надо, – прервал его Алексей, – это меня не интересует. Так как же они взаимодействуют? Я читал в ваших отчетах, что у них, у объектов то есть, есть определенный порядок взаимодействия. Поясните мне?

– Разумеется, – кивнул Трофим, неосознанно сцепляя руки на животе и слегка откидываясь назад, копируя собеседника. – Это наиболее интересная часть исследований. По сути, зомбированные – просто колония вирусов, копирующая для своего выживания прижизненные процессы носителя, пищеварительные, рефлекторные, осознанные физические, если они повторялись достаточно часто. Эта колония, замещающая собой определенную часть человеческого организма, консервирует и постепенно заменяет путем копирования и остальные клетки человеческого организма.

В дверь постучали, и на пороге нарисовался известный подхалим и подсказчик чужих секретов, заместитель директора Маркелов Борис Васильевич с подносом, на котором стояли три красивых чашки дымящегося чая, две вазочки с печеньем и вареньем, бутылка воды и три стакана. Немного оторопев от вида довольно расслабленного Трофима, он зачем-то поклонился и суетливо расставил чашки и стаканы напротив каждого из собеседников, а бутылку и вазочки поставив в центре, но все-таки ближе к Водопьянову, не забыв бросить ласково-масленный взгляд на Алексея. Секунду с вопросом поглядев на Водопьянова, получив освобожден-

ние, он кивнул и удалился, подобострастно аккуратно закрыв за собой двери. Алексей хрустнул крышечкой от бутылки, налил себе воды и махом опрокинул его внутрь, тут же наполнив стакан вновь, он перевел взгляд на Трофима, ожидая продолжения.

– Хм... колония, – собирая ушедшую нить повествования, произнес некробиолог. – Получается так, что носитель, равно как и копирующий его вирус, может собирать визуальные образы, определенно имеет тактильную чувствительность, обоняние, слух, может даже возбуждать определенные участки головного мозга, но пользоваться мозгом как таковым не умеет.

– Иначе это была бы третья категория. Верно? – прервал его Алексей.

– Да. По классификации, предложенной мной, это была бы третья А категория, – согласился ученый. – У вируса есть одно очень важное свойство: даже будучи в образце ткани, вирус четко реагирует на электромагнитные колебания, – Трофим задумчиво почесал губу. – Любые электромагнитные колебания. Понимаете?

– Понимаю, – кивнул Алексей.

– Не уверен, что вполне, – позволил сделать небольшой выпад Трофим. – Вирус прекрасно реагирует на свет, на тепло, на радиоактивное излучение, электромагнитный след человека и проявляет избирательную способность, определяя носителя. Я думаю, что это зашифровано в его геноме. Он имеет очень сложную структуру.

– Не очень понял про электромагнитный след человека, – приостановил некробиолога гость. – Это что?

– Это наше собственное излучение, наша собственная индивидуальная волна. Колебание клеток, ток жидкостей, дыхание, нервные импульсы – все это создает определенный фон, который считывается разработанными нами приборами – фазометрами. Прибор определяет человека с расстояния до сотни метров, если нет препятствий прямой видимости.

– Приборы сталкеров тоже определяют мутантов на расстоянии, – сказал Алексей.

– Да, конечно, но принцип работы фазометра основан на другом: он измеряет угол сдвига фаз между... – начал Трофим.

– Не надо, Трофим. Давайте к нашему вирусу, – резонно прервал Алексей.

– Вирус считывает то же самое, только с расстояний гораздо больших, даже у носителей первой категории, – ответил ученый.

– Я что-то не понял, как все-таки они взаимодействуют? – вернул к начальному вопросу собеседника гость.

– Мы полагаем, что речь идет о некоторой электромагнитной синхронизации между объектами, поскольку они могут не только принимать сигнал, но и менять свой, транслируя его вовне, подавлять электромагнитные колебания других существ. Коэффициент трансляции... – некробиолог вовремя осекся, понимая, что переходит на не нужный собеседнику язык. – В общем, при определенных условиях все зомбированные начинают двигаться как единый организм, подчиняясь наиболее развитой среди них колонии. Это, как правило, носитель второй категории, – ответил некробиолог и позволил отпить себе глоток чая из чашки.

– Теперь понятно. Это большая работа, Трофим Аристархович, – подняв вверх указательный палец, сказал Алексей. – Если Гудин уедет в Ладугу, то кто продолжит его полевые исследования? – обратился Алексей к Водопьянову.

– Мы... у нас есть сотрудники, которые смогут продолжить его работу, – секунду поколебавшись, не в силах удержать прямой взгляд, ответил директор.

В доли секунды движение глаз директора были схвачены гостем и прочитаны как открытая книга.

– Боюсь, что нет у вас достойной кандидатуры на место Трофима Аристарховича. А, Николай Николаевич?! – с азартом спросил Алексей, вполборота поворачиваясь к Водопьянову. И не дождавшись ответа, протянул лежавшее перед Трофимом заявление к себе. Бегло

прочитав текст, он небрежно смял бумагу и отодвинул белый комок в сторону. Лицо директора не изменилось ни на грамм, оставаясь внимательным и покорным.

– Значит, давайте договоримся, Трофим. Я определю для вас помощников. Из своего штата. Можете убегать от них, как захотите и когда захотите, если они от вас отстанут, я их уволю. Это очень хорошие ребята, и я ими дорожу, но поверьте, вы от них и не сможете убежать. Если что, они выстрелят вам в ногу, – глянув на опешившее лицо Трофима, на котором читалось и облегчение, и признательность, а теперь и доля паники, Алексей расхохотался. – Да шучу я, шучу. Не будут они стрелять... эх, Трофим, Трофим...

Отсмеявшись и отпив еще воды, он спросил:

– Да, так а что там про третью категорию? Вирус научился думать?

Трофим, на котором лица не было от разрешившейся проблемы, с трудом вернулся к сути вопроса.

– Нет, не уверен в настоящий момент, что это возможно, – отрицательно покачал головой некробиолог. – Думаю, что тут использован другой принцип. Объекты способны не только считывать, принимать и транслировать электромагнитные сигналы, но также могут подавлять электромагнитные поля живых существ. Более того, они способны вызывать сбои в функционировании органов человека, при продолжительном воздействии подобного подавления у человека возникает ряд заболеваний: от депрессии до критического обессиливания и впадения в кому. Это своего рода защитный механизм колонии.

– Надо же... – удивленно поднял брови Алексей.

– Поэтому мы не можем изучать объекты в неволе, – прокомментировал Трофим. – А вот считывать сигналы окружающей среды, сопоставлять их, маркировать их – это колония в состоянии. Кроме того, мозг человека хоть и умер фактически, может находиться в стерильном состоянии. Разрушаются только клетки, непораженные вирусом, то есть матрица для обработки визуальных и других сигналов сохранена, как вирус пользуется ими, еще не выяснено. Я иногда подкармливаю зомбированных, поэтому, возможно, они считают меня частью своей экосистемы. В любом случае объект дождался того, чтобы я смотрел в указанном им направлении, – закончил некробиолог.

– И вы увидели снарка? – предположил Алексей.

– Нет, не увидел. Скорее, догадался, – ответил Трофим.

Голубоглазый вздохнул и ненадолго задумался. Его пальцы правой руки заиграли тихую дробь на столе.

– Хорошо, – встряхнув оцепенение, сказал Алексей. – Так почему вы называете его папилломой? Из отчетов лаборатории НИИ Ладога он имеет мало общего с этим вирусом. Или они ошибаются? – спросил Алексей, слегка прищурив один глаз.

– И да, и нет. Одна из цепочек нуклеотидов по своему строению имеет почти точную копию известного вируса, которого, к слову, более тридцати видов. Его можно было бы отнести, скажем, к тридцать первому виду, что и было сделано, – ответил некробиолог, – но позже выяснилось, что это только часть одной из его цепочек, еще позже выяснилось, что вирус имеет еще две цепочки ДНК, которые он и встраивает в ядро клеток человека. Но к тому времени первые отчеты о его классификации к вирусам папилломы были отправлены, а затем мы не стали его переименовывать, – тут Трофим виновато посмотрел на Водопьянова. – Сами знаете, работы много, материал не успеваем перерабатывать, дали ему только рабочий номер и все.

– И какой же это номер? – поинтересовался Алексей.

– Номер сто и производные от ста: сто десять, сто двадцать и так далее. Поскольку вирус постоянно меняется, мы и шаг номеров сделали побольше, – ответил Трофим, чуть разведя руки в стороны, чувствуя некоторую легкомысленность объяснения. Сейчас он подумал, как бы хорошо ответил на эти вопросы его шеф – Алексей Иванович. Нумерация, классификация

и прочая номенклатурная философия были его коньком, но шефа, к сожалению или к счастью, тут не было.

– Так, получается, название свободно? – спросил уже у директора Алексей.

Водопьянов, вжившийся в роль слушателя, не ожидал обращения к нему, слегка поперхнувшись от неожиданности, ответил:

– Да, выходит, названия не присвоено.

Алексей выпрямился на стуле.

– Ну тогда, если позволите, я дам ему название. Это будет очень хорошо для развития интереса и привлечения инвесторов в раскрытие его потенциала. Вы не против, Николай Николаевич? Трофим Аристархович?

Ожидаемо не встретив возражения ни в жесте, ни в слове, голубоглазый с нескрываемой ноткой торжественности произнес:

– Николай Николаевич, все модификации этого вируса и все его производные зарегистрируйте как вирус бессмертия.

Название ярким цветком вырвалось изо рта голубоглазого, едва слышным эхом крутнулось в хрустальных плафонах люстры и с дикой скоростью полетело через стены Янтаря по просторам Зоны, касаясь сутулых спин зомбированных, чутких ушей химер и кровососов, едва оставив след, шепнуло о себе на ушко контролерам и слепым псам и растворилось в воздухе.

Глава 4. Объект номер семнадцать

Трофим с недоумением воззрился на двух бойцов, вломившихся к нему в комнату утром, когда часы только-только указали на семь. Сидя в семейных трусах, он безрезультатно и растерянно нащупывал ногами тапочки. Наконец, он вынужден был отыскать их глазами и только затем, просунув ноги, встать и как есть в трусах подойти к вошедшим. Оба были одеты в камуфляжные штаны и зеленые футболки, ноги туго зашнурованы в армейские берцы.

– Сагитай, – представился первый, быстрым, кошачьим движением протянув руку.

Сагитай оказался среднего роста азиат, склонный к полноте, впрочем, не имеющий и признака живота. Возможно, его круглое лицо создавало ощущение полноты, но крепкая атлетическая грудь, надломленное ухо и приличный бицепс показывали в нем серьезного атлета, возможно, больше умеющего сделать, чем объяснить.

– Яков, – протянул руку стоящий позади него боец, ростом незначительно ниже двух метров.

Яков был образец викинга. Стального цвета глаза, белые, короткие волосы, которые превратились бы в кудри, если бы им давали отрасти, косая сажень в плечах. Если от Сагитая веяло жаром внутренней кипучей энергии, то от Якова – мощью и спокойствием.

– Трофим Аристархович, – представился ученый, – Гудин, – зачем-то добавил он не к месту, прекрасно понимая, что эти ребята, оставленные голубоглазым, точно знают, кто он. – Мы сейчас куда? – разволновался он, глядя на незваных гостей, чувствуя себя крайне неуверенно.

– На завтрак, – ответил азиат. – Мы в коридоре подождем. Вы оденьтесь только.

Оба бойца повернулись и вышли в коридор, лишь прикрыв за собой дверь.

– Ах да... – Трофим опустил взгляд и, увидев себя в трусах, кинулся надевать штаны и рубаху. – Во дела... – прошептал он, испытывая крайне смешанные чувства: что-то вроде обиды за недоверие, неудобство перед коллегами и в то же время некоторую радость от того, что ему как будто развязали руки, но при этом как-то своеобразно развязали. В любом случае теперь ему не надо дожидаться, пока ему выделят сопровождающего из бойцов группировки Долг, которые не двигались ни на шаг без прямого указания своего командира, не нужно договариваться со стalkerами, предварительно наводя справки о каждом, с кем он планировал выйти в поле, в общем, наличие этих двух то ли надзирателей, то ли телохранителей, а скорее всего, и то, и другое позволяло сэкономить ему время.

Одевшись, он вышел в коридор. По зеленой ковровой дорожке коридора минус четвертого уровня, освещенному лампами дневного света, уже двигались его коллеги из других лабораторий, с удивлением оглядывая новых постояльцев.

– Доброе утро, Трофим Аристархович, – поздоровался кто-то, а за ним еще один голос.

– Здравствуйте, – отозвался Трофим, пожав одну, вторую и третью руку, закрывая дверь на ключ.

– Это что ваши новые сотрудники? – спросил кто-то из владельцев рук.

– Да... да, это лаборанты. Э-э-э... специально прислали, будут помогать мне... в поле, – ответил некробиолог, наконец заперев дверь и спрятав ключ в нагрудный карман рубахи.

– А. Ну молодцы, расширяйтесь. А я вот все прошу, прошу, хоть аспиранта какого-нибудь, так нет, даже не обещают, – сказал другой скрипучий голос и протянул руку.

Трофиму наконец удалось идентифицировать говорящего со скрипучим голосом. Им оказался заведующий четвертой лабораторией, лаборатории физических аномалий Аарон Моисеевич. Трофим пожал костлявую руку, затем развел руками, как бы объясняя, что ничем не может помочь Аарону Моисеевичу и жестом вежливо указал ему проходить вперед.

– Понимаю, понимаю, – проскрипел тот, – помочь старику не хотите, да и нечем. Сейчас нынче зомбированные в моде, но с ними справляться надо уметь. Правильно, Трофим Аристархович, сделали, что подмогу себе вытребовали. Ну давай, молодежь, завтрак стынет, – пропуская вперед «лаборантов» и некробиолога, проскрипел Моисеевич, – мне старику не к спеху.

Чувствуя некий конфуз, но все-таки и облегчение, что его охрану вроде как приняли за лаборантов, некробиолог с сопровождающими прошел в столовую, которая находилась на этом же уровне. Столовая представляла собой помещение пять на восемь метров, в котором находилось восемь столов для посетителей в два ряда по четыре стола, за каждым помещалось по четыре человека, но если поставить еще стулья, то и по шесть. В конце комнаты располагался шведский стол, который предлагал на завтрак стандартный набор из двух видов каш, овсяной и пшеничной, бутербродов с сыром и колбасой, корзинки чищенных вареных яиц, тарелочки со сметаной, маслом, вареньями и прочим, большого электрического чайника на пятнадцать литров, кофейника, кастрюли киселя. В конце комнаты виднелись два раздаточных окна, за которыми находилась кухня, звеневшая посудой и иногда смехом поварих.

Трофим, взяв тарелку каши и стакан чая, занял один из столов примерно посередине, Сагитай и Яков сели рядом. Вокруг крутился научный люд, все здоровались, шумели, что-то обсуждали, иногда поглядывая на «лаборантов». Сагитай взял большую тарелку овсяной каши, бросил туда большой кусок масла, также водрузив на поднос пару бутербродов и два стакана чая. Яков взял то же самое, только чуть больше всего, вдобавок бросив в тарелку каши три очищенных вареных яйца. На их лицах читалось, если не блаженство, то тихое удовлетворение элементами гражданской жизни, которая виделась им сейчас как пансионат для отдыхающих. Наука – народ интеллигентный, и никто не подсел к ним за стол проявлять излишнее любопытство, даже начальник Трофима, Алексей Иванович, поздоровавшись со всеми тремя, кивком принял поздравление с пополнением штата и исполненный собственного достоинства сел с кем-то из знакомых за соседним столиком, искоса ошалело все же поглядывая на «лаборантов». Чувствуя неловкую паузу, Трофим решил первым нарушить ее, поскольку его охрана была совершенно спокойна и удовлетворена происходящим.

– Так вы от Алексея Викторовича? – с некоторым трудом вспомнив отчество вчерашнего спасителя, спросил Трофим.

– Да, от него самого, – кивнул азиат, зачерпывая кашу из тарелки.

– А можно узнать, как долго вы будете э-э-э... сопровождать меня? – решив запить кашу чаем, спросил ученый.

– Неделю, две. Походим с вами, поучимся, потом как скажут, – ответил Сагитай, рассматривая надкусанный им бутерброд.

– Поучитесь? Извините, а чему? – растерялся Трофим.

– Нам сказано, не оставлять вас ни на шаг, – подал голос Яков. Голос у него был низкий с легким потрескиванием, словно горло простужено. – Работа у вас сложная, с мертвяками управляться, а нам это дело пригодится. Кроме того, вы часто выходите за объектами в поле, а это риск. Нам приказано беречь вас, поскольку больше вас в этом деле никто не знает, – просто и доходчиво обрисовал ситуацию Яков.

– Ну да, ну да... – согласился Трофим, понимая все-таки, что руки у него, скорее, развязаны, чем связаны.

Ситуация оказалась лучше, чем он думал. Ему не только развязали руки, но и добавили пару других или даже две пары. Долговцев очень трудно просить помочь с зомбированными, они никогда не горели желанием помогать ученым, разве что потыкать дулом автомата в подстреленного ими мутанта, дабы проверить, не стоит ли всадить еще одну очередь? А эти ребята, судя по всему, вполне могут поспособствовать ему как лаборанты.

– Как вам завтрак? – решив перевести разговор в нейтральное русло, спросил Трофим.

– Нормально, – отозвались в один голос бойцы.

Минут через десять, позавтракав, троица договорилась встретиться к восьми в лаборатории. Трофим пришел туда чуть раньше, но в дверях уже дежурил Сагитай. Войдя в кабинет, представлявший собой общую комнату, в которой был только его шеф и Лукас Константинович, Трофим с трудом объяснил, что Сагитай будет помогать ему в поле, стараясь не глядеть в недоуменные глаза Алексея Ивановича и Лукаса, а когда в кабинет вошел огромный Яков, уже одетый в устрашающе огромный армейский бронекостюм «Булат», от этого выглядевшие еще больше глаза Алексея Ивановича вылезли из орбит на одну восьмую, а Лукаса примерно на четверть. Позади Якова, не решаясь войти, топтались Берик Капезович и Валентин Петрович. Глаза Валентина Петровича, имевшего привычку пропускать завтраки и не видевшего «лаборантов» в столовой, вылезли из орбит не менее чем на половину. Только Берик не потерял наличие духа и уверенным голосом произнес:

– Молодой человек, позвольте пройти. И автомат ваш можете в угол поставить, у нас тут стрелять нельзя.

Яков посторонился, давая проход ученым, и те, просочившись, расселись по своим местам, переводя взгляд с Алексея Ивановича на Трофима и обратно, явно ожидая пояснений. Яков же, закрыв за ними дверь, встал каменным изваянием на входе.

– Трофим Аристархович, вы расскажете нам, что происходит? – спросил Алексей Иванович.

– Тут такое дело. Вчера меня хотели отправить в Ладогу, но передумали. Вот дали охрану, будут меня сопровождать в полевых исследованиях, – сознался Трофим. – Это Сагитай, а это Яков, – указывая рукой, представил вошедшим бойцов. Одновременно соображая, что раз Яков уже был одет в броню и вооружен, а Сагитай ждал его тут, то, скорее всего, Яков на всякий случай уже караулил его на выходе из комплекса, а после его появления спустился в лабораторию.

– Сопровождение – это хорошо, – кивнув, сделал вывод Алексей Иванович. – Вы садитесь, пожалуйста, вот свободные стулья, – обратился заведующий лабораторией к бойцам.

Сагитай взял стул и сел недалеко от стола Трофима. Воцарилась неловкая пауза. Особенно всех смущал огромный Яков, нежно поставивший свой АК с оптическим прицелом в угол у двери и невозмутимо продолжавший стоять, разглядывая что-то на шкафах.

– Тут с утра данные пришли с радара, – сказал Алексей Иванович, – наши объекты два А и два Б изволили вернуться. Вот их последние координаты.

Трофим вскочил и быстро подошел к столу шефа. На мониторе заведующего лабораторией располагалась карта окрестностей Янтая, изображенная в мельчайших подробностях. На ней виднелись несколько светящихся точек, помеченных соответствующими цифрами – два объекта 2А и одна точка с обозначением 2Б, также множество, более десятка точек с обозначениями 1А, 1Б, 1В, разбросанных по окружности, группами по два, три объекта, внизу справа время и дата. Сегодняшнее утро.

– Нам же как раз пробы по графику надо взять, – сказал Берик, незаметно подошедший к столу заведующего и также изучавший карту.

– Так в чем же дело? Помощники у вас есть, теперь-то четвером быстрее управитесь, чем вдвоем, а, Трофим Аристархович? – обратился к Трофиму Алексей Иванович.

– Конечно, Алексей Иванович, собираемся, – не без доли возбуждения отозвался Трофим, посмотрев на коллегу. – Давайте через десять минут на выходе, – скомандовал он, развернулся и уткнулся в Сагитай, также из-за плеча изучавшего карту.

– Есть, на выходе через десять минут, – непринужденно сказал он и уступил дорогу.

Через пятнадцать минут они были готовы. Задержал всех Трофим. Защитные костюмы всех сотрудников для работы в открытой среде висели в стеклянных шкафах под ультрафиолетом недалеко от выхода, являющегося и входом в комплекс. Те, кто хоть раз заходили на Янтарь, прекрасно знают эти шкафы. Особенно долго разглядывали их впервые пришедшие

сталкеры, вождедея комбинезоны Сева, страстно желая получить подобный в свое пользование. В основном в шкафах были оранжевые ССП-99 «Эколог» и Севы разных модификаций. У каждой лаборатории был свой шкаф. Комбинезон Трофима долго приходил в себя, очевидно, после удара трамплина, долго жужжал клапанами замененных баллонов с воздухом и проводил самодиагностику. Наконец, он пришел в себя, поджав по контуру человека, доложил о готовности к эксплуатации. Берик и Сагитай были в таких же комбинезонах. Единственное внешнее отличие было в том, что Трофим не использовал поляризованное стекло, и его лицо было хорошо видно через забрало шлема. Он полагал, что при работе с зомбированными им, то есть объектам, необходим визуальный контакт с ним, чтобы лучше отличать его от других. Хотя он также был уверен, что отличать людей друг от друга они могут, не поворачиваясь к ним, ориентируясь только на характерные излучения, исходящие от человека. Яков был в своем армейском бронекостюме, выполненном явно по заказу, на поясе справа и слева висели две кобуры. Сагитай также был вооружен АК с оптикой и пистолетом в кобуре.

В оружии Трофим не разбирался, он мог уверенно распознать АК среди разнообразия других автоматов и ПМ, поскольку сам был вооружен им, а принять пистолет Макарова он был вынужден исходя из правил комплекса. Одно из основных правил научного комплекса гласило, что никто из сотрудников никогда не выходит из Янтаря поодиночке и никто никогда не выходит без оружия. Одно из правил, не выходить поодиночке, он нарушал регулярно и пару раз даже нарушал второе, которое запрещало выходить без оружия, но об этом никто не знает. Кроме того, ученый не без оснований понимал, что пистолет в Зоне бесполезен, либо стрелять из него надо мастерски, а тратить время на обучение стрельбе он считал ошибочной тратой времени. Про автоматы он вообще не задумывался. Подхватив чемоданчики с инструментом и баночками для образцов, группа выдвинулась на поиски объектов.

Начало девятого утра в Зоне. Трофим неоднократно выходил в это время и всегда прислушивался к своим ощущениям, открыв забрало, вдыхая влажный воздух с элементами запаха прелых листьев, дыма, плесени, иногда пахло серой, когда ветер доносил запах химической аномалии, расположенной позади бункера в мелком озерце, поросшем кустарником и камышом. Карканья ворон могло и не быть, а когда было, оно также вносило свой элемент в ожидание входящего в силу трудового дня. Солнце в эти моменты обычно находилось за облаками, порывисто двигавшимися независимо от ветра, имевшего свое направление здесь в низине. Несколько раз вздохнув, Трофим решительно захлопнул забрало и скорым шагом направился на северо-восток, где согласно карте находилось два объекта второй категории. Отряд, выстроившись гуськом, двинул за ним, замыкал группу на расстоянии нескольких метров Яков.

Метров через сто стали попадаться остатки костров сталкеров, ночевавших ночами недалеко от бункера. Некробиолог научился различать свежие кострища от вчерашних. Еще метров через двести стали попадаться тряпье и мусор, иногда в серой жесткой траве тускло просвечивала стреляная гильза. Вот чьи-то изношенные ботинки, которых раньше не было. Трофим присел на корточки и палочкой повернул их к себе. Внутри было пусто. А могло и не быть пусто. Можно было увидеть там и свежие кости сталкера или старые кости зомбированного, что означало бы, что его, скорее всего, разорвала либо карусель, таящаяся за бетонными плитами, либо сталкеры угостили гранаткой, подкатив ее под ноги мертвеца. Бойцы строго следовали за ним, вскидывая оружие и осматривая окрестности в оптику при каждой остановке. Через километр Берик положил руку на плечо коллеге, кивком головы указывая на стоящую кучку мертвецов, вставших лицом друг к другу метрах в трехстах от отряда. Зомбированные стояли в небольшой низине так, что ученым были видны только их головы, размытые легкой дымкой тумана. Молча проверив прибор, который представлял собой комбинацию фазометра, сканера установленных датчиков, штатного детектора живых форм и аномалий, Трофим, возглавляющий группу, отрицательно покачал головой.

– Тут нет нашего. Тут вообще трое новых, – вглядываясь в детектор, а затем через небольшой бинокль в мертвецов, сказал Трофим и, кинув взгляд назад, на пристально разглядывающих зомбированных в оптику автоматов бойцов, двинулся дальше.

Искомый объект 2А стоял метров через сто, на открытом месте возле дерева с мелкой листвой. Нашитые на его спине оранжевые светоотражающие квадраты отсвечивали рассеянным светом. Рядом, в паре метров крутила неосторожного тушкана птичья карусель. Тушкан был еще жив, и, прислушавшись, можно было услышать его писк, который становился чуть громче или исчезал, по мере того как он поворачивался к наблюдателям в своем вращении, схваченный аномалией. Еще десяток секунд, и щуплое тело мутанта, которое аномалия, видимо, с трудом отличала от мусора, наконец приблизилось к центру вращения и с легким треском взорвалось облачком кровавого дыма. Еще несколько затухающих витков, и пары крови, не принятые аномалией, выброшенные центробежными силами, едва заметным слоем осели на все вокруг. Мертвец вытянул вперед руки, словно пытаясь схватить кровавой пар, но пальцы, не поймав ничего, сжались в кулак. Руки опустились, и объект замер.

Группа некробиолога разглядывала все это, прячась за квадратными деревянными ящиками грубого зеленого цвета, в которых, скорее всего, перевозилось оборудование от стоящего неподалеку заводика, да так и не вывезлось. Заводик не имел названия, и что на нем производилось, также не было известно Трофиму, но его это нисколько и не интересовало. Оборудование было растаскано первой волной сталкеров, а ящики, сбитые из крепкого дерева, так и остались лежать, однажды вскрытые, не поддаваясь гниению и монтировкам сталкеров.

– Это 2А, семнадцатый, он нас заметил, – уверенно сказал Трофим, доставая серый холщовый мешочек из чемодана. – Можно не прятаться. Я пойду к нему.

– Постой, – схватил его за рукав Сагитай. – Одному нельзя.

– Он меня знает, а вас нет. Если со мной пойдете, может взбунтоваться, потом будет сложно пробы с него взять, – ответил некробиолог, глядя в непрозрачное забрало шлема бойца.

– Нет, – твердо ответил Сагитай, не отпуская рукав ученого.

– Ладно, – вздохнул Трофим, – давайте со мной, но только один. Лучше... мы на ты? – спросил он неожиданно и, получив утвердительный ответ, продолжил. – Лучше ты, Сагитай, а то Яков его испугает. Да и оружие оставь тут.

Сагитай отпустил руку некробиолога и посмотрел на напарника.

– Не промахнусь, – уверенно кивнул Яков.

Боец поставил автомат на предохранитель и бережно приставил к ящику.

– Берик, – по-свойски обратился к коллеге Трофим, когда будет все готово, я подниму руку, вы с инструментом к нам.

– Жарайт, – ответил тот на казахском, что означало, что все будет сделано как надо. По голосу было слышно, что он был спокоен и, наверное, даже немного улыбался.

– А ты, Яков, пожалуйста, не подходи... мало ли, они такие костюмы различают, – попросил ставшего двухметровым в ботинках на толстой подошве и тактическом шлеме бойца Трофим.

– Принято, – немногословно ответил Яков.

Трофим был уверен, что Яков может одолеть мертвеца и в рукопашную, просто подняв его и бросив несколько раз на землю, сломать ему руки и ноги или бросить в аномалию, а два пистолета и автомат с оптикой дают ему все шансы зачистить всю округу от мертвецов. Но это была Зона, и только у нее было по пять тузов в рукавах, и выиграть у нее не получалось еще никому.

– Готов? Пошли. Потихоньку, след в след, не шуметь, не дергаться, не удивляться, – негромко сказал Трофим Сагिताю.

Тут, вне бункера Трофим перерожден. Тут он чувствовал себя настоящим, цельным, у него из головы вылетела все научная библиотека, и он становился исследователем. Азарт охот-

ника за открытиями, этакого сталкера от научного мира, цель которого не безумно дорогие артефакты, порожденные аномалиями, а знания, изучение, открытия, пусть даже и незначительные для мировой науки, но наполняющие его душу теплом и трепетом. Более не скрываясь, ученый и прикрывающий его боец двинулись в сторону мертвеца, по-прежнему стоящему к ним спиной. Постоянно глядя под ноги и в детектор, чтобы не угодить в аномалии и быть в курсе, если что-то или кто-то еще появится в поле их видимости, пара подошла к зомбированному, остановившись в трех метрах от него.

Со спины мертвец был похож на беглого каторжанина. Босые ноги, какие-то черные штаны непонятного кроя и серая рубашка с опознавательными нашивками, на которых в нескольких местах черным маркером была написана цифра семнадцать. Одна из нашивок начала отпарываться, пришитая на скорую руку, наверное, Валентином Петровичем. Понуру опущенная грязная голова с короткими волосами. Мертвец стоял неестественно для живого человека, неподвижно, как камень. Живой человек никогда не сможет стоять настолько неподвижно, удары сердца, движение крови по сосудам, спонтанные нервные импульсы в мышцах, вестибулярный аппарат, который всегда стремится определить, в каком положении находится тело, заставляя незаметно менять положение, – все это заставит даже замершего в неподвижности человека совершать минимальные колебания. Мертвец же, лишенный всех этих забот, мог стоять абсолютно неподвижно часами, охлаждаясь до температуры воздуха и теряясь из виду для обычных сталкерских детекторов.

– Эй, приятель, – негромко обратился к зомбированному Трофим.

Мертвец медленно повернулся всем телом, передвигая ногами, не поворачивая головы. Серо-зеленое лицо с едва заметным красноватым оттенком крови разбрызганной аномалией тушкана, потрескавшиеся губы, ввалившиеся, едва открытые глаза, словно у спящего, и свежий разрез на щеке, начавший затягиваться, вспухший, словно серый двойной головной гребень курицы. Вирус начал работу по сращиванию клеток, плодил новые, не имеющие назначения, лишенные кровеносных сосудов только для того, чтобы восстановить былую форму оболочки, повинувшись заложенному в нем коду заботы о носителе. Теперь этот уродливый шрам останется навсегда.

– Это где это тебя так? – с сочувствием спросил Трофим, разглядывая рану.

Именно так и выглядел вирус. Образцы ткани, питаемые глюкозой, вспенивались подобными серыми массами и при достаточном питании занимали весь предоставленный объем. Будь то мензурка, колба или оцинкованное ведро. Все наполнялось одинаковой серой, пенистой массой, было бы питание. Но образцы – это лишь образцы, тело человека – это целая система, способная добывать вирусу питание и обеспечивать его сохранность, на что вирус отвечал сохранением системы человека. Известный механизм симбиоза.

Мертвец продолжал стоять, полуприкрыв глаза. Трофим посмотрел на детектор, нажал несколько кнопок и произнес, удовлетворившись результатом:

– Я тут тебе гостинец принес, – с этими словами он присел на корточки и приоткрыл холщовый мешок, достав несколько карамелек без оберток. – Это тебе, ешь, пока дружки твои не набежали, а то тут на всех не хватит.

Глаза мертвеца резко открылись, показав черные, подернутые пеленой отсутствия разума зрачки. Обе руки потянулись к ученому, тело рваными движениями сделало несколько шагов. Позади Трофима отчетливо прозвучал едва заметный металлический щелчок.

– Не стрелять, – ледяным голосом произнес он. – Это не угроза. Убери пистолет или что там у тебя, – не оборачиваясь, приказал он.

Мертвец стоял в метре, возвышаясь над человеком, протягивая руки к конфетам, которые Трофим нарочито держал ближе к земле. Со своего положения зомбированный легко мог схватить Трофима за голову. Еще несколько секунд, и объект, копируя некробиолога, сел на корточки напротив. Конфеты уже лежали россыпью на земле, мертвец, неловко подбирая их с

земли страшными пальцами, покрытыми местами такой же серой пеной, пихал их в рот, иногда вместе с землей и травой.

– Вот и хорошо, – тихо сказал Трофим. – Ищи еще.

С этими словами он высыпал половину имеющегося в мешке пошуре вокруг мертвеца и поднял вверх руку. Через короткое время рядом с ним уже стоял коллега с толстым шприцом для забора проб.

– Спинной? – шепотом спросил Берик, имея в виду, что будет брать пункцию спинного мозга.

– Да, – тихо ответил Трофим, оставаясь сидеть на корточках напротив мертвеца, собирающего карамель с земли. – У нас минут пять, шесть, – добавил он.

– Управимся, – отозвался также негромко Берик и зашел за спину зомбированному. – Укол, – тихо сказал он, решительно внедряя иглу между позвонками спины.

Мертвец замер, когда игла пробила позвоночный диск и погрузилась в канал спинного мозга. Некробиологи брали не только образец спинномозговой жидкости, но и образец спинного мозга, что для мертвеца было некритично. Он, а точнее, колония управляющих телом вирусов, реагировала только на обширные повреждения либо на продолжительные. Анализ степени повреждения определялся не моментально, поскольку нервная сеть была не совершенна и, в конце концов, это был не человек. К тому времени, как мертвец мог что-то сообщить, шприц с отобраным материалом был уже извлечен.

– Кушай, мой хороший, не отвлекайся, – успокаивающе приговаривал Трофим.

– Печень, – тихо сказал Берик, убирая первый шприц в чемодан и готовя второй шприц. Трофим кивнул. – Укол, – твердая рука научного сотрудника уверенно завела блестящий металлом пробоотборник под правый бок мертвеца.

На этот раз объект даже не замер, просто никак не отреагировал, собирая карамель с земли. Но что-то насторожило Трофима. Движения мертвеца вдруг стали другими, он больше не промахивался мимо конфет, брал их точно, не мешая с землей, руки двигались быстрее и увереннее. Это можно было связать с тем, что углеводы начали перевариваться и зомбированный запустил сердце, ускоряя обмен веществ, но интуиция спорила с логикой.

– Эпидермис, – сказал Берик, готовя новый шприц, чуть короче и шире в диаметре.

– Хватит, – скомандовал Трофим, – уходим.

Его коллега без комментариев быстро убрал пробоотборники в чемодан и, закрыв его, отступил на шаг назад.

– Это тебе, это все тебе, – высыпая остатки из кулька, проговорил Трофим. – Мы уходим, спасибо за помощь, – вполне серьезно сказал он, плавно выпрямляясь и отходя.

Сзади раздался тихий выдох Сагитая. Уж кто-кто, а он явно не ожидал подобных картин, и его выдержка, особенно в начале «знакомства», была достойна похвалы. Через минуту группа вернулась к ожидавшему их Якову. Маска была снята с лица, и его слегка ошарашенный взгляд, брошенный на ученых, говорил о том, что про этих парней сегодня он узнал чуть больше.

Глава 5. Хлеб на земле

Поглядев в бинокль еще раз на оставшегося недалеко от дерева мертвеца и убедившись, что процесс поедания карамели не прерван вдруг проснувшимся интересом к людям в зеленых комбинезонах, что бывало не раз, Трофим скомандовал двигаться дальше. Согласно карте, а затем и детектора двигаться нужно было еще около километра на север. Чтобы пройти километр тут, в окрестностях Янтаря, достаточно было от десяти до двадцати минут. Все тропы были хожены, перехожены, аномалии запомнены, помечены, особо опасные мутанты давно не совали свой нос в эти окрестности, но тем не менее произойти могло всякое. Аномалии могли сдвинуться, там, за разбитым грузовиком, притаиться кровосос или, что намного хуже, контролер, кучка мертвецов, пришедшая сюда впервые и застывшая в низине, могла по неизвестным причинам выбраться наверх и открыть огонь, да мало ли, это же Зона. Трофим неоднократно разговаривал со сталкерами, были среди них и умные люди, и откровенные глупцы, были среди них те, которые могли и убить при удобном случае, чтобы снять с ученого необходимый им комбинезон. В таких случаях Трофим всегда полагался на интуицию. Иногда просто отказывался от вылазки, вот не хотелось ему носу казаться из бункера, и все тут, и поскольку при его стиле работы он все еще был жив, похоже, правильно делал. Не зря некоторые мутанты больше полагались на чутье, чем на зрение. Одни слепые псы чего стоят. Но теперь он, конечно, чувствовал себя намного увереннее. Понимание того, что идущие за тобой «лаборанты» – профессиональные бойцы, позволяло не задерживать свой взгляд надолго в сомнительных местах, вглядываясь до боли в глазах в неясную рябь в кустарнике, в показавшуюся мелькнувшую черную точку на холме, не задумываясь о вдруг обнаруженных на земле или на мусоре пятнах крови пусть не свежей, но, по крайней мере, не замеченной ранее. Справедливости ради Трофим понимал, что для серьезных походов они не годятся, в Рыжий Лес или Темную Долину, где с некоторого времени, как говорят многие сталкеры, стало невозможно выживать, он бы с «лаборантами» не пошел, а тут, вокруг бункера, они были в самый раз.

И вот, наконец, Берик, шедший вторым, но всегда раньше Трофима определяющий нахождение зомбированных, хлопнул его по плечу и указал направление.

– Два первой категории четырнадцатый и тридцатый и один наш два А, объект номер двадцать два, – прокомментировал он данные детектора. – Что будем делать?

Трофим в бинокль посмотрел на группу из стоящих недалеко друг от друга мертвецов. Под пасмурным серым небом Зоны, в котором холодный ветер толкал тяжелые облака, иногда припадая к земле, беспокоя жесткую серую траву, четко просматривались три человеческие фигуры. Те стояли возле бетонной трубы метрового диаметра. Труба была повернута торцом к наблюдателям, просвечивала пустотой насквозь и в длину составляла метров десять. Еще дальше лежали россыпью обломки плит, среди которых виднелись черное пятно давно потухшего костра, пара кустов с наклоненными друг от друга ветками, что говорило о присутствующей между ними аномалии, и старая пустая деревянная катушка от электрического кабеля. Мертвецы между тем стояли, помеченные такими же оранжевыми светоотражательными квадратами, пришитыми к защитного цвета рубахам. Трофим открыл свой чемодан и достал оттуда еще один холщовый мешок. Пожав его руками, он спросил,

– Яков, ты вон ту катушку видишь?

– Так точно, – ответил тот.

– Катить ее сможешь?

Боец вскинул автомат и внимательно посмотрел в оптику.

– Смогу.

– Тогда действуем просто. Я лезу в трубу, объекты лезут за мной. Я выползаю, двадцать второй выползает за мной, остальных запираете в трубе вон той катушкой. Двадцать второго успокаиваем и обрабатываем. Понятно? – объяснил Трофим.

– А если они с другой стороны вылезут? – спросил Яков.

– Не вылезут, не так быстро. Это же первая категория, они не сообразительны, – успокоил Трофим.

– Уверены, Трофим Аристархович? – озвучил сомнения «лаборантов» Берик.

– Ну, если полезут обратно... труба длинная, вы поймете. Перекатите катушку в другую сторону.

– А если они разделятся? – спросил Яков.

– Ну сбегаете за кирпичами, – пожал плечами Трофим, – видите же, там раздолбы какие-то лежат? Тут в округе аномалий нет. Разве что, может, там, в кустах повнимательнее, аномалия или была, или появилась. Но вы же в курсе, что можно ее нащупать, если сомневаетесь? – вдруг спросил он, ловя себя на мысли, что, возможно, бойцы-то и не представляют, что такое аномалия.

Бойцы переглянулись.

– Только в теории, – ответил за обоих Сагитай.

Теперь переглянулись ученые. Возникла пауза, в которой явно слышался неловкий звон неуместности данного известия именно в этот момент, когда многое зависело от автономности каждого из них.

– Теория – это всегда хорошо. Практика без теории слепа, а теория без практики мертва, – наконец нашел что сказать Берик.

Трофим поджал губы. Если там окажется мелкая аномалия, жарка, или трамплин, или еще что, что убивает не сразу, а перед этим дает о себе хоть как-то знать, трое из них с высокой вероятностью смогут выйти из зоны действия аномалии, а Яков в армейском бронекостюме – вряд ли.

– Аномалий на данном пяточке не было с последнего Выброса. Вон там сталкеры ночевали. Видите? – обратился он к бойцам. – Но я ничего не гарантирую. Это Зона, тут нигде не разгуляешься, но мы можем справиться и вдвоем с коллегой, а вы подождете здесь.

– Исключено, – немедленно отозвался Сагитай, —мы будем присутствовать.

Трофим отметил здравость суждения бойцов и, по крайней мере, понимание того, в каком месте они оказались.

– Кстати, знаешь, как забрало снимается? – поинтересовался Берик у Сагитая.

– Так точно, – Сагитай нажал на точку под подбородком. Ничего не произошло.

– Надо вот тут и здесь, – показал на себе ученый, и поляризованное забрало, выдавившись наружу, отползло в сторону. – На этой модели сделали страховочную кнопку, а то бывали случаи, что открывалось в неподходящий момент.

Боец нажал на указанные кнопки, и забрало аналогичным образом открыло лицо. Волосы на голове успели подсохнуть, но схватиться короткими сосульками, нависая над смуглым лбом азиата. Оба некробиолога знали, что, несмотря на всю идеальную систему терморегуляции костюма, так можно было взмокнуть лишь в критических случаях, либо при физических, либо при нервных перегрузках. Поскольку физических нагрузок не было и не предвиделось, очевидно, что Сагитай спалил-таки сегодня охалку нервишек. А нервные клетки не восстанавливались, по крайней мере, у живого человека.

– Ну пошли, – негромко скомандовал Трофим.

Растянувшийся отряд двинул в сторону объектов. Метров за пятьдесят Трофим, идущий первым, подал знак рукой, останавливая остальных. Затем махнул сверху вниз. Идущий за ним отряд присел. Мертвецы, определившие движение людей, стояли к ним лицом, один из

них протянул вперед руку, словно ощупывая подходящего ученого, тут же выставившего в зеркальном жесте перед собой холщовый мешок. В другой его руке был чемоданчик.

– Я тут вам хлебушка принес, ребята, – произнес некробиолог.

На его голос все трое мертвецов отреагировали мгновенно. Теперь руки к Трофиму потянули другие два мертвеца. Слегка качнувшись, зомбированные начали движение. Трофим, внимательно глядя под ноги, принял чуть вправо так, чтобы лежащая труба отделяла его от объектов, и скоро стоял за трубой, с другой стороны которой вплотную подошли мертвецы. Не теряя времени, ученый выложил три куска хлеба на бетонную поверхность трубы. Мертвецы были в ужасном состоянии. Один из них ранее, видимо, попал в жарку, она опалила ему правую часть тела, и теперь одежда плачевно держалась лишь на нескольких прилипших к телу лоскутах. Зато на месте ожогов отвратительными наростами застыла серая пенистая масса, превращая лицо человека в уродливую маску и все тело с правой стороны в подобие оплывшей свечи. Тринадцатый номер читался на уцелевших остатках одежды. Следующий четырнадцатый, насколько помнил Трофим, всегда был в плохом состоянии. Судя по всему, вирус поднял его либо из болота, либо из грязи. Признаки разложения язвами виднелись по всей поверхности тела, но живущая в нем колония не сдавала свои позиции и продолжала таскать мертвеца по Зоне в поисках пропитания для них. Мертвецы плохо гнущимися пальцами схватили по куску хлеба и засунули его в рот. Трофим, пользуясь выигранным временем, изучал объекты.

Четырнадцатый номер, впрочем, шел на поправку. Ранее мертвые ткани, не захваченные вирусом, разложились окончательно и отвалились, обширными глубокими язвами обнажив кое-где кости рук и лица. Но из соседних тканей мертвеца тонкими серыми нитями тянулось тело вируса, зловещей паутиной закрывая повреждения. Очевидно, что спустя время они закроют их полностью, придав новый неузнаваемый вид объекту. Между тем мертвецы доели хлеб и потянулись через трубу к мешку. Трофим торопливо положил еще три куска напротив каждого объекта. Двадцать второй был самый сохранный из них, как никак а вторая А категория, эти объекты стояли до недавнего времени на вершине эволюции некровируса, представляя собой образец сохранения функций и внешнего вида носителя. Общее состояние походило на долго пролежавшего в морге покойника, которого по тем или иным причинам задержали в холодильнике, вот только пара явно свежих пулевых ранений в грудь вселяла беспокойство. В самом деле, кто мог стрелять в отмеченного нашивками, безоружного мертвеца? Разве что ночью, не разглядев, или новички с перепугу, или только отгоняли его, но тогда они могли привлечь на свою голову и остальных мертвецов, бродящих неподалеку в радиусе связи объектов друг с другом. В любом случае отрицательный опыт объекта с людьми не играл сейчас на руку ученому, а ведь вирусы вполне могут фиксировать информацию, поскольку мозг зомбированных второй категории хоть и был мертв в человеческом смысле, но полноценно функционировал с точки зрения захватившего носителя вируса, а следовательно, мозг также образовывал новые синаптические связи, формируя причинно-следственные алгоритмы.

Мертвецы доели по второму куску и теперь делали попытки перелезть через метровую трубу за мешком с хлебом.

– Так, ребята, – обратился Трофим к страждущим поправить свое здоровье объектам. – Хлебушек надо заслужить.

С этими словами он, избегая цепких рук, положил куски хлеба так, чтобы мертвецы растянулись друг от друга, и крайним оказался двадцать второй. После этого он двинулся к одному из торцов трубы, мертвецы двинулись за ним дергано и беззвучно, первым из преследующих был как раз объект второй категории. Оказавшись у входа в трубу, Трофим швырнул в нее камень и, увидев его вылет с другой стороны, нырнул в отверстие. Двадцать второй издал шипящий звук, когда ученый пропал из виду, и добавил ходу, намереваясь не упустить его из поля зрения. Между тем наблюдавшая за процессом группа во главе с Бериком двинулась за катушкой. Один за одним мертвецы полезли в трубу. Трофим, как только последний из

них скрылся в конструкции, выскочил с другой стороны, призывно махая рукой уже катящим катушку сталкерам.

– Не торопитесь, уважаемый, – нагнувшись, крикнул он в трубу ползущему к нему первым мертвецу и кинул в его сторону кусок хлеба. Это должно было задержать их всех, что было необходимо, поскольку катушка оказалась вросшая в землю и понадобились согласованные усилия трех человек, чтобы сорвать ее с места.

Двадцать второй схватил кусок хлеба и, заметно опережая следующих за ним товарищей, не останавливаясь, продолжил движение. Между тем деревянная конструкция с дребезжанием и скрипом катилась к краю трубы и, подталкиваемая двумя бойцами, встала у выхода из трубы чуть раньше, чем оттуда показалась голова двадцать второго. Мертвец, высунув голову, неприятно ощерился и, вытянув одну руку в сторону Трофима, выполз из трубы. Катушка, подталкиваемая бойцами, тут же загородила собой отверстие, недалеко от которого уже были оставшие от своего более прыткого товарища преследователи.

– Ы-ы-ы, – протянул мертвец, шагая за некробиологом, вытянув обе руки в его сторону.

Трофим, отойдя порядка десяти метров, разложил хлеб на земле, ожидая, что тот остановится возле него и начнет есть. Но мертвеца как заклинило, он, не останавливаясь, как трактор, прошелся прямо по разложенному на земле хлебу, тяня руки к человеку. Трофим оббежал вокруг мертвеца, встав с другой стороны «засеянного» хлебом участка.

– Ы-ы-ы, – развернулся мертвец и, не обращая внимания на угощение, снова пошел за ученым, давя ботинками куски хлеба.

– Чтоб тебя, – ругнулся Трофим, поднимая кусок хлеба с земли и выставляя его перед глазами зомбированного на вытянутой руке, держа его так, чтобы тот мог легко его взять из его руки.

Мертвец на секунду задумался и, как будто потянувшись за угощением, перехватил Трофима за рукав, второй рукой пытаясь схватить его за локоть. Моментально стряхнув конечности мертвеца, Трофим вновь отбежал по другую сторону, это могло продолжаться бесконечно. Мертвец не подавал признаки агрессии, но позволить ему обнимать, ощупывать, пачкать разводами вируса комбинезон не входило в планы некробиолога. К тому времени запертые в трубе зомбированные товарищи первой категории постукивали головами в деревянную перегородку. Катушку подпирал Яков, наблюдая за передвижениями Трофима.

– Трофим, – подал голос Берик, – не получится его успокоить. Уходим?

– Да, я вижу, что он перевозбужден, – ответил Трофим, скорым шагом водя мертвеца по кругу за собой. Мертвец всегда двигался по самой короткой траектории, и быстрый шаг ученого не сильно разрывал дистанцию между ними. – Сагитай, – окликнул он бойца, водящего автоматом за двадцать вторым номером.

– Я, – откликнулся тот.

Голос был напряжен, и было очевидно, что нервы бойца на пределе. Он бы давно прервал этот цирк, разнеся в хлам из автомата и этого топчущегося по хлебу, и тех двоих в трубе, которые начали мерзко скрести когтями по деревянной поверхности катушки.

– Можете свалить его? Нам нужен всего один образец, больше все равно не получится, и мы уходим, – крикнул Трофим, по мере того как раздражающее завывание мертвеца приближалось и делалось громче.

Ему тоже не нравилась эта картина, поскольку, раздражаясь на каких-то своих основаниях, мертвецы начинали воздействовать на живых людей, на психику, на нервную систему, на нормальную работу органов. Трофим почувствовал, как у него в желудке начались процессы несварения. Но он уже привык к этому, так же как и его коллега.

– Да легко, – недобро ответил Сагитай, кладя автомат на трубу.

В тот же момент Берик достал угрожающего вида сделанный из стекла и металла пистолет, предназначенный для забора образцов тканей головного мозга. Боец в комбинезоне Сева

приблизился со спины к зомбированному. Это было легко, поскольку тот топтался по одной и той же траектории за Трофимом. Едва заметным, кошачьим движением он подсек зомбированного и тут же сел на него сверху, заломив ему обе руки за спину. Мертвец ткнулся лицом в траву и на мгновение затих, соображая о причинах внезапного изменения положения. Через секунду у Трофима посерело в глазах, а мертвец издал шипящий звук, сопровождающийся бульканьем легочной жидкости, скопившейся в неиспользуемом органе. Зомбированные в трубе отозвались тошнотворными хрипами, новая волна воздействия колонии населяющих мертвецов вирусов ударила по группе людей. У Трофима заболело за грудиной, из желудка попытался вырваться горький ком, в голове загудело и запульсировало тупой раскатистой болью, но он и его коллега уже имели опыт и представление о том, с чем могут иметь дело, в отличие от сопровождающих их бойцов. Яков, удерживающий содрогающуюся катушку руками, согнулся и уперся в нее головой, его неудержимо рвало. Сагитай, удерживающий мертвеца на земле, странно скрючился, борясь одновременно с зомбированным и со своими ощущениями, которые становились тем хуже, чем дальше они находились с объектами. Берик уже пристраивал аппарат к голове, как сидящий на спине объекта боец не выдержал и судорожными движениями стал на шаривать кнопки открытия забрала. Мертвец, в принципе не чувствовавший боли и в отличие от живого человека, которого бы подобным образом прижали к земле, выкрутив обе руки, не замер, а продолжал беспорядочно извиваться, скребя ногами, поднимая голову и издавая харкающие, захлебывающиеся в мокроте звуки. Наконец Сагитай нащупал злосчастную комбинацию кнопок, и из-за открывающегося забрала на спину мертвеца полилась рвота. Двадцать второй же, пользуясь тем, что на секунды хватка удерживающего его бойца ослабла, всплеснул рукой и выбил уже прижатый к его голове пистолет ученого. Пистолет для отбора образцов, описав дугу, упал в нескольких метрах на землю.

– Ах ты!! – ругнулся Берик, вскочил и бросился за аппаратом.

– Куда!?! – воскликнул Трофим. – Стерильно! Возьми мой!

Берик метнулся к чемоданчику Трофима, достав оттуда точно такой же пистолет. Сагитай уже перехватил освободившуюся руку мертвеца и заломил ее так, что живой человек уже бы взвыл от боли. Трофим, видя, что его помощь необходима, чувствуя, как в померкших и без того серых красках Зоны начинает кружиться голова, оседлал ноги зомбированного и вцепился в сидящего перед ним на мертвеце Сагитая. Его коллега, рухнув на землю практически на голову объекта, сжал ее коленями и с силой прижал пистолет к макушке зомбированного, который на этот раз усилиями трех человек мог только хрипеть, напрягая ставшими вдруг стальными мышцы. Аппарат, приставленный к голове жертвы, издал резкий щелчок, взламывая черепную коробку, затем толстая игла погрузилась в мозг, еще пара секунд, и пистолет, выстрелив стерильной нашлепкой, запечатал дыру в голове.

– Уходим, – борясь с душасшей тошнотой и болью уже не только головы, но и позвоночника, скомандовал Трофим.

Дважды повторять было не надо. Отряд, схватив оружие и чемоданчики, покачиваясь и отплеываясь, бежал прочь от злосчастных мертвецов. Двадцать второй, хрипя, извивался на земле, двое других его товарищей, опрокинув катушку, выползли на свет божий и двигались вслед за убегающими людьми, протягивая к ним руки.

– Да чтоб я еще... твою ж налево... – сбивая дыхание, бормотал Сагитай.

– Лучше на губу, неделю губы, чем вот это... – вторил ему Яков, откашливаясь и держась за печень.

Группа людей остановилась, только пройдя очень большое расстояние. Ведущий свой отряд Трофим не особо выбирал направление, он шел по известным ему ориентирам безопасности, лишь бы как можно дальше отойти от мертвецов.

– Ну, Трофим Аристархович, ну, голубчик, – переводя дыхание и хлопая по чемоданчику, сбивчиво говорил Берик, – ну дорогие сегодня образцы.

Трофим только кивнул в ответ, переводя дыхание, и посмотрел на Сагитая и Якова. Бойцы, несмотря на то, что шли лишь скорым шагом, задыхались как после марш-броска с полной выкладкой. Мертвецы умели делать из здорового, полного сил человека большого старика. Одно было хорошо – это только временно.

– Как вы? – спросил у бедолаг Трофим.

– Думал, сдохну, – честно признался Яков. Его бледное лицо с выступившими темными кругами под глазами и потеки на подбородке, которые он не успел стереть, говорили сами за себя.

– А я себе в комбез наблевал, – с досадой и злостью, в то же время с каплей сожаления и смущения отозвался Сагитай, чье лицо уже не закрывало забрало, после чего крайне нелитературно выразился, потрясая автоматом. Высказав все, что он думает, вроде как успокоился и попытался почесать щиплющий от кислоты живот, но сделать это в комбинезоне было невозможно, и он опять взорвался гневной тирадой в сторону мертвецов.

Трофим распаковал свой чемодан, доставая очередной холщовый мешок и упаковку медицинских обеззараживающих салфеток.

– Что опять? – упавшим голосом спросил Яков, глядя на серый мешок.

– Нет. На сегодня с вас достаточно, – улыбнулся Трофим. – Это шоколад, надо поесть, полегчает. Хороший, молочный, то, что нам надо сейчас, – сказал он, протягивая мешок, – но сначала руки протрите как следует.

– А что же с ними возни столько, а? Последнего-то все равно убили, так, может, сразу надо было? – спустя несколько минут, наконец успокоившись, спросил Сагитай. Он уже выглядел нормально, но слегка пришибленный взгляд говорил о том, что он не пришел в себя.

– Нет, мы его не убили. Вирусы найдут, какие мозги использовать вместо поврежденного участка, это не критично, – ответил Трофим. – И вообще, уничтожать объекты крайне нецелесообразно. Они прогрессируют, эволюционируют, и мы не знаем, какого уровня развития они могут достигнуть, если их уничтожить.

Все замолчали, жуя спасительный шоколад. Ощущая, как сходят на нет последние признаки воздействия зомбированных.

– Трофим, а вы не находите, что сегодня объекты воздействовали гораздо сильнее, чем обычно? – думая о чем-то своем, спросил Берик.

– Да. Сегодня прям как мешком по голове, – согласился Трофим. – Крайне мощное воздействие.

– Надо будет замерить, насколько коэффициент корреляции между нашей частотой и модулируемой частотой вируса поменялся. Я так думаю, наверное, к шести десятым уже подкатил, а? – прищурился один глаз, прикинув что-то согласно своим расчетам, сказал Берик.

– Не знаю, не знаю, – отозвался Трофим, – давно не измеряли. Резонатор поди в поле потаскай, шестьдесят пять килограммов меди, свинца и проводов. Хотя... – он бросил выразительный взгляд на обреченно переглянувшихся бойцов.

Глава 6. Тень зверя

На Янтарь отряд вернулся к трем часам дня. Молчаливо стоявшие у ворот ограждения комплекса долговцы лишь переглянулись, провожая взглядами ученых и двух их новых «лаборантов», имевших вид если не потрепанный, то уже не новый, как это было с утра. После того как первая дверь бункера закрылась за входящими, один из них озвучил общую мысль;

– Ну хоть кто-то в броне пошел.

– Ага, – подтвердил другой, – соображать начинают.

На минуту воцарилась тишина, обрамляемая тихим посвистом ветра в травинках да легким постукиванием жестяной улитки вентиляции, вытяжки подземных уровней комплекса.

– Хотя автоматы правильно несут, – оживился первый.

– На стрельбищах, небось, по мишеням стреляли... – буркнул второй. – Молокососы.

На этом их разговор иссяк. Фигуры в черно-красных комбинезонах застыли изваяниями, беспристрастно контролирующими вверенный им сектор.

Зайдя внутрь, пройдя дезинфекцию, вся четверка переделалась, оставив броню и комбинезоны в стеклянном шкафу. Трофим дождался, пока его коллега уйдет, и обернулся к «лаборантам», которые задержались при раздевании. Броня Якова по умолчанию снималась дольше, чем комбинезон, да еще обоим бойцам пришлось чистить обмундирование как изнутри, так и снаружи специальными салфетками. Нужно сказать, что подкладка научного комбинезона была сделана из такого материала, что с нее легко счищалось что угодно, даже кровь. Оба были сосредоточены и погружены в свои мысли.

– Ребята, вы давайте мойтесь, в столовку и отдыхайте. Я позже вас найду, – сказал Трофим.

– Не положено отдыхать, – возразил Сагитай.

– Караулить меня будете? – усмехнулся Трофим, прекрасно понимая, что будут, потому что приказано. – Не переживайте, я не убегу. Я что самоубийца? Не знаю, что вам там про меня наговорили, просто раньше, пока сопровождение выпросишь, целая песня пройдет, а действовать нужно было срочно, пока объекты в пределах досягаемости, вот и приходилось выбегать.

Бойцы молчали, сосредоточенно чистя вещи.

– Ну не отдыхайте, раз не положено, – предложил Трофим, – на воротах тут не стойте только, что вы меня перед всем комплексом позорите, – понизив голос, попросил Трофим. – Если так надо, то приходите в лабораторию, там и караульте.

В это время из-за угла коридора, ведущего к подземным помещениям, вышел Водопьянов с каким-то новым гостем. Оба были одеты в белые халаты. Суховатого вида старичок в толстых очках негромко что-то говорил. От него веяло мудростью лет и тишиной научных кабинетов.

– Знакомьтесь, – Водопьянов царственно указал на Трофима, – Гудин Трофим Аристархович. Старший научный сотрудник шестой лаборатории, без пяти минут доктор наук, – значимо поднял указательный палец директор. – А это... – он почтительно указал ладонью на старичка.

– Академик Веретенко Владимир Сергеевич, – закончил вместо Водопьянова Трофим и быстро пожал протянутую стариком руку.

– А-а-а, Трофим Аристархович, – с явным удовольствием растянул старик, – читал, читал ваши труды. Надо сказать, очень смелые и далеко идущие суждения. Таких, как вы, очень мало в наше время, я очень вас поддерживаю, – он обернулся к директору. – Вы знаете, как приятно видеть новый голос в науке? – старик повернулся вновь к некробиологу и указал пальцем на его грудь. – Почему вы все еще не доктор? Материала у вас и у вашей уважаемой лаборатории на целую плеяду докторских работ.

- Да как-то времени нет, – смущенный похвалой от такого зубра науки ответил Трофим.
 - Трофим Аристархович – очень ценный сотрудник, – вставил Водопьянов, —непосредственно занимается полевыми исследованиями, вот например, только что вернулся, проведя полевые замеры. Мы ему даже помощников для этого дела выделили, – он указал на замерших в ожидании бойцов.
 - А, это, наверное... – начал вспоминать старичок, протягивая руку Сагитаю.
 - Это специально приглашенные специалисты для... – замялся Водопьянов.
 - Отлова беглых объектов, – буркнул Трофим.
 - Да, – сверкнув глазами на подчиненного, согласился директор.
- Старичок пожал руку молчавшим Сагитаю и Якову, растерянно что-то соображая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.